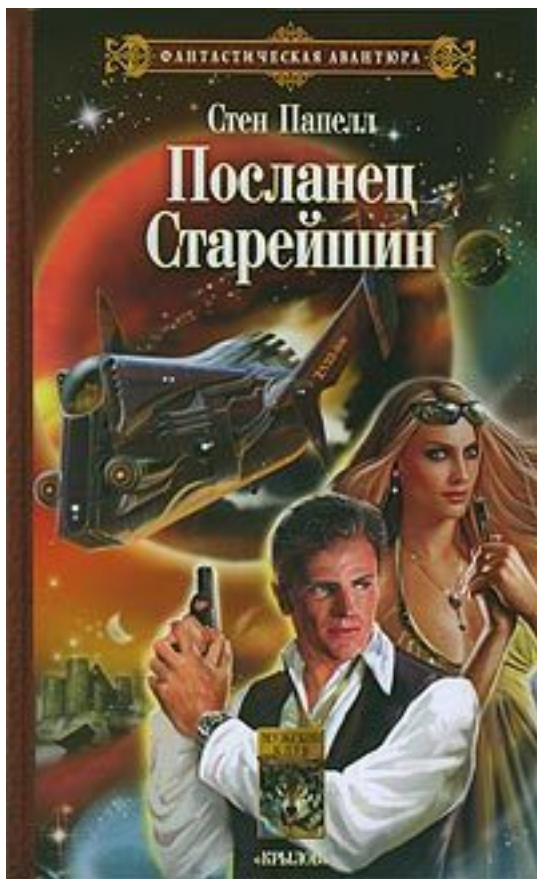

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Стивен Папелл

Посланец Старейшин

Стен Папелл

Посланец старейшин

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159886

Посланец старейшин: Издательство «Крылов»; СПб.; 2007

ISBN 5-9717-0131-2

Оригинал: StanPapell, "The Second Confirmation", 2004

Перевод:

Павел А. Киракозов

Аннотация

Мир изменился, и что ты должен совершить, чтобы найти в нем свое место?

Алекс – Посланец Старейшин. Его миссия – спасение целой планеты. Его чувства и внешность – чужие. Его не существует в этом мире, он – выдумка. И ему придется встать между двумя великими державами, чтобы подтвердить Второй Отчет и принять Самое Важное Решение.

Ведь на кону – жизни миллионов людей, и он не может подвести тех, кто верит в него. Даже если на пути возникнут неожиданные препятствия и все окажется слишком запутанным... Даже если за свою жизнь придется заплатить чужой кровью...

Содержание

ПОСЛАНЕЦ СТАРЕЙШИИ	5
Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	42
Глава 3	60
Глава 4	85
Глава 5	112
Глава 6	142
Глава 7	165
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Стен Папелл

Посланец старейшин

Этот роман посвящается моей жене Надежде Павловне, чья забота и любовь придали мне силы и энергию, чтобы написать его. Я буду вечно любить ее за доброту и прекрасную душу.

Я хотел бы выразить благодарность Сергею Лупалу, ведущему инженеру-конструктору Санкт-Петербургского центрального научно-исследовательского института робототехники и технической кибернетики за его неоценимую помощь, Надежде Павловне, выпускнице Ленинградского института культуры имени Н. К. Крупской, затем работавшей в Институте обработки полезных ископаемых «Механобр», в библиотеке технической документации и государственных стандартов, заведующей отделом библиотеки Института культуры, а также компьютерному гению Эмилию Дармо, который оказал мне помощь при написании этого романа, и высоко ценимому мной редактору Виктории Жиро. Еще мне хотелось бы поблагодарить профессора Ричарда Блэра из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и знакомых из ФБР, Сикрет Сервис, ЦРУ и АНБ, которые останутся безымянными.

ПОСЛАНЕЦ СТАРЕЙШИН

Пролог

Эрнста Шульца ничуть не интересовало мнение приемной комиссии. Он был старшим администратором и подчинялся только Францу Чизеку, который осуществлял надзор над Австрийской академией изящных искусств и гордился тем вкладом, который могли внести талантливые студенты в культуру нации. Сначала оценивались работы потенциальных студентов, созданные во время обучения в средней школе, потом кандидата должна была признать достойным приемная комиссия.

Шульц напряженно думал о том, как можно отменить вердикт комиссии, решившей большинством голосов отказать художнику в приеме в престижное учебное заведение. Судя по заявлению, кандидат оставил среднюю школу в Линце в 1905 году, переехал в Вену и жил в доме 29 по Стумперштрассе.

— Он, несомненно, талантлив, — сказал один член комиссии, — но представил только пейзажи.

— Не согласен, — сказал другой. — В изображении человеческого тела нет абсолютно никаких подтверждений таланта, именно по этой причине мы отказали ему в прошлом году.

– Это придет со временем, – возразил Шульц. – Зато есть чувство цвета, а сцены городской жизни и виды Дуная весьма интересны. Он определенно подает большие надежды.

– Это противоречит правилам приема, – сказал еще один член комиссии.

– Вы понимаете, что окончательное решение, по должности, принимаю я, – мягко напомнил Шульц. – И я собираюсь оценить представленные полотна более объективно, но немного позже.

Вене еще предстояло увидеть хаос 1914 года, когда эрцгерцог Франц-Фердинанд отправится в увеселительную поездку в Сараево и будет убит сербским националистом, что станет началом Первой мировой войны. А пока, как всем запомнится, люди танцевали вальс под мелодии Штрауса, и процветала индустрия туризма. Жизнь в этом городе была прекрасной, как, впрочем, в большинстве европейских городов, и континент наслаждался ролью лидера в современном мире.

Ничто не предвещало потрясений в наступившем десятилетии, по крайней мере, не выглядел роковым знамением отказ в приеме в академию какого-то художника, который впоследствии перевернет весь мир. Как можно было заметить такое незначительное событие среди других ежедневных мелочей?

Шульцу уже стукнуло сорок девять, каштановые волосы начали редеть, животик округлился, но он был вполне удо-

влетворен достигнутым положением в жизни и пользовался заслуженным уважением среди коллег. Этот день, ничем не отличавшийся от других дней 1909 года, для него был особым, по крайней мере, так он думал, сидя в своем кабинете на втором этаже.

Рабочий день уже заканчивался, а Шульц все рассматривал акварели кандидата, поворачивая их то под одним, то под другим углом к свету и утверждаясь в мысли, что этого человека следует принять в академию несмотря на возражения комиссии. Вероятно, это можно было объяснить прекрасным расположением духа – чуть раньше, идя по аудитории, в которой студенты выполняли эскизы, Шульц почувствовал на себе взгляд Фриды Кемпф, самой привлекательной, по его мнению, девятнадцатилетней студентки с ниспадающими на плечи светлыми волосами и фантастически пышной, сочной грудью. Он решил, что она все еще целомудренна, и в голове заплясали сексуальные видения, мысли о возможном свидании, которое выведет его из хандры, продолжавшейся с семнадцатого года его двадцатитрехлетней семейной жизни. Хильда была на четыре года моложе него, но слишком сильно любила пирожные и конфеты и в последнее время заметно прибавила в весе.

А недавно они перестали заниматься сексом. Шульц вынужден был признать, что мысли об измене ему не чужды, чего нельзя было даже представить в то время, когда Хильда была молодой и цветущей женщиной. Неужели у него начи-

нается второе детство, как у большинства мужчин ближе к пятидесяти? Но Фриду Кемпф, казалось, не смущал его возраст, а взгляд ее голубых глаз заставлял его самого видеть мир в новом свете. Да, сегодня он определенно готов романтично обнять жену, когда она уберет со стола и вымоет посуду, показать, какой он по-прежнему пылкий любовник.

Он взглянул на часы – до окончания рабочего дня осталось меньше часа. Не без удовольствия решил отложить решение по кандидату и его акварелям до следующего утра, мгновенно погрузившись в предвкушение любовных утех. Двое детей Шульца давно живут самостоятельно, он полномочный хозяин в доме, и его женщина сегодня желанна, несмотря на полноту. Да, Шульц полон сил, и ничто, абсолютно ничто не мешает ему удовлетворить животную страсть.

* * *

Хильда Шульц, совершенно измотанная утомительным днем, сидела на кухне пятикомнатной квартиры на Херцогембург-штрассе – извилистой улицы, опоясывавшей небольшой холм. Квартира была старой, но ухоженной, потому что семьи, жившие в ней на протяжении многих лет, принадлежали к высшим кругам и гордились своим домом.

Окна со шторами выходили на юго-запад, солнце уже клонилось к горизонту, отбрасывая на стол тень от палки для штор.

Сегодня она приготовила венский шницель, и кухня была буквально пропитана его ароматом. Жаркое из вымоченной в уксусе говядины, краснокочанная капуста с отварным картофелем и шницель, разве можно себе представить более приятное угощение для уставшего после работы Эрнста? Это поможет ей скрыть подавленное состояние, которое возникло еще утром, когда она, принимая ванну, увидела кровь в воде и поняла, что наступили месячные. Она знала, что через пять-шесть лет наступит менопауза, и мысль об этом подавляла ее еще сильнее, чем мучительные спазмы.

– Не стоит так расстраиваться из-за менопаузы, Хильда, – попыталась успокоить ее фрау Айнсдорф, жившая через площадку. Ей было за шестьдесят, и лет десять назад она овдовела. – Мы должны просто смириться с этим фактом в жизни, а сделать это не трудно, потому что у тебя есть Ганс и Хельга.

Она вспомнила слова фрау Айнсдорф, заметив, как тень от палки для штор прошла еще четверть дюйма по красной клетчатой клеенке. Хильда не собиралась обсуждать эту проблему и упомянула о ней, только почувствовав очередной спазм. Скорее всего, она ускорила приход месячных горячей ванной, как это случалось уже много раз за последние годы. Она встала, чтобы помешать большой ложкой воду, в которой варился картофель. Эрнст мог прийти в любую минуту,

и Хильда знала, что ей надо было успеть слегка поддурманить бледные щеки, чтобы скрыть свое подавленное настроение.

Она прошла в ванную комнату и долго рассматривала седеющие волосы в висевшем над раковиной зеркале, поправляя выбившиеся из прически пряди. Ее карие глаза постарели преждевременно, сеточка морщин вокруг них становилась все более заметной с каждым днем. Последние два года она пользовалась кремом для лица, но он не смог остановить естественное старение кожи на вздернутом носике и постоянно поджатых губах. Хильда провела пальцем по накрашенным помадой губам, потом чуть припудрила щеки, чтобы придать им розовый оттенок. Неужели ей суждено было провести остаток дней, становясь все более непривлекательной, пока другие женщины будут смотреть на мужа с все возрастающим интересом, причина которого – его высокое положение в академии?

Но ведь у нее было два внука, и скоро должен был родиться третий. Хотя бы ради этого стоило жить, потому что будущее исчезало прямо на глазах, на тех самых глазах, которые смотрели на нее сейчас с блестящей поверхности зеркала. Невозможно было избежать участи стареющей женщины, невозможно было не чувствовать обиды по отношению к мужчинам, которые с возрастом становились лишь более привлекательными. «Перестань так думать», – приказала она себе и в этот момент услышала, что открывается дверь в квартиру.

– Я пришел, – услышала она голос мужа, выходя из ванной.

– Как раз вовремя, – ответила Хильда, когда дверь закрылась. – Чувствуешь запах?

– Венский шницель! – радостно воскликнул муж. – А я как раз голоден, и не только в прямом смысле!

Она подошла и поцеловала его, он снял шляпу и положил ее на полку рядом с дверью.

– Как прошел день?

– В обычных для моей должности хлопотах, – попытался пожаловаться Эрнст. – Любое ничтожество мнит из себя... если, конечно, верить этому безумному невропатологу.

– Уверена, Фрейда беспокоят не только собственные проблемы.

– Это тебе, – вдруг сказал он, протягивая белую прямоугольную коробочку дюйма в три длиной.

Она была поражена.

– Что это?

– Посмотри.

Хильда сняла цветастую бумажную обертку и подняла крышку. В коробке лежал флакон духов, она открыла его и вдохнула аромат.

– Как это мило. Но по какому случаю?

Он направился на кухню, на запах венского шницеля.

– А по такому, моя лапочка, что ты сейчас наденешь мое любимое синее платье, жемчужное ожерелье, а после чудес-

ного ужина мы займемся любовью, как звери в лесу.

Она мгновенно погрузилась.

— Эрнст, — произнесла она, — я очень рада, что тебя посещают такие романтические мысли, но это невозможно. По крайней мере, еще дней пять.

У него чуть не отвисла челюсть.

— О чем ты говоришь?

— О ежемесячном наказании, от которого нет покоя. Началось сегодня утром, когда я принимала ванну.

— Сегодня?

— Спазмы просто изматывают меня, даже сейчас, когда я разговариваю с тобой. Прости.

У него мгновенно упало настроение, навалилась депрессия и мгновенно подавила приятное возбуждение в нижней части живота, которому не суждено было разрядиться. Он понимал ее страдания и ничем не мог их облегчить. Эрнст чуть было не попросил ее заняться анальным сексом, но не посмел, потому что это было запрещенным предметом. Хильда не могла позволить себе подобной вольности, это немыслимо для женщины, занимавшей такое высокое положение в обществе, жене одного из руководителей академии. Весь воздух вышел из воздушного шара Шульца, и остаток вечера прошел немыслимо скучно.

Подавленное состояние сохранилось и на следующее утро, оно лишь усилилось, когда Эрнст Шульц прошел по аудитории, и стоявшая у мольберта Фрида Кемпф не обратила на него внимания. Ни малейшего! Может быть, лишь в своем воображении он поймал ее столь многообещающий, как ему показалось, взгляд, а в действительности он был для нее не более чем стареющим сорокадевятилетним мужчиной, годящимся ей в отцы?

Его глаза словно застилало какое-то мутное желе, все предметы из окна кабинета, расположенного на втором этаже, казались мрачными, несмотря на солнечный день. Буквально все вызывало раздражение, даже в животе бурчало от неудовлетворенности. Только вчера он чувствовал себя молодым и полным сил, а сейчас остался лишь скрип в стареющих костях. Никаких приключений, никаких свиданий, никаких чувств. Буквально все казалось скучным и унылым, даже акварели того абитуриента, все еще лежавшие на его столе.

Он брал их в руки по очереди, пытаясь вернуть чувства, которые только вчера вызывало у него великолепие пейзажей и натюрмортов, тончайшие оттенки желтого и зеленого цветов, благодаря которым словно оживало полотно «Цер-

ковь на горе». Да, он принял бы этого человека в академию. Но только не сегодня. Сегодня каждое полотно казалось ему унылым, как собственное настроение, и он быстро согласился с коллегами в том, что данному соискателю следует отказать. Они были правы. Художник ничем не доказал свое мастерство в изображении человеческого тела, он представил только картины, на которых были изображены реки, горы и цветущие деревья. Да, конечно, они правы. Академия изящных искусств известит кандидата о повторном отказе.

Шульц положил картины на стол и вышел из кабинета.

Когда он закрыл за собой дверь, в кабинете, заваленном работами подающих надежды молодых художников, воцарилась тишина. Стало так тихо, что был слышен грохот пронесшихся по улице карет, чихание двигателей входивших в моду автомобилей и даже голоса прохожих. Обычный день в Вене 1909 года.

Шульц не удосужился даже посмотреть имя художника на полотнах, настолько ему было на все наплевать. В нижнем правом углу каждой картины стояла подпись «А. Гитлер». Художника вынудили выбрать другой путь в жизни, что станет причиной гибели более пятидесяти миллионов человек. И все это только из-за менструации фрау Шульц.

В следующем тысячелетии кровопролитию суждено было повториться. В десятикратном объеме.

Глава 1

СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

День 1. 7.20

День был ясным, и яркие лучи солнца освещали бескрайние заснеженные просторы Северо-Сибирской низменности. На голубом небе даже самый внимательный наблюдатель смог бы заметить лишь одно крошечное пятнышко – это на высоте почти в семь километров летел американский бомбардировщик-невидимка, похожий на летучую мышь, непонятно как оказавшийся на этих широтах. На гигантских просторах не был слышен даже грохот его двигателей. За его полетом при помощи «ящика Пандоры», установленного в подвале главного здания Агентства национальной безопасности (АНБ), внимательно следила спутниковая система слежения и регистрации данных США.

«Ящик Пандоры» представлял собой довольно большую многогранную коробку, на наружных поверхностях которой не было каких-либо измерительных приборов или дисплеев. Внутри находился компьютер, собранный на арсенид-галиевых чипах, в несколько раз превосходящий по быстродействию

ствию знаменитый суперкомпьютер «Gray-U/MP». Команда ученых и офицеров АНБ наблюдала за происходящим на огромных экранах, а компьютерные гении не спускали глаз с оборудования, которым были заставлены все столы.

За полетом невидимки следили также сорокатрехфутовый телескоп «Хаббл» и камера, предназначенная для передовых исследований, более мощная, чем «Хаббл Дип Филд». Она имела девяносточетырехдюймовый отражатель, изготовленный компанией «Корнинг Глас» из материала, называемого «стеклом со сверхнизким коэффициентом расширения». При направлении камеры на цель изображение передавалось на вторичное зеркало диаметром двенадцать с половиной дюймов, где делилось на сегменты для анализа.

Чувствительность «Хаббла» была настолько высока, что при его помощи можно было разглядеть человека, прикуривающего сигарету на Луне. Благодаря сверхъестественной способности увеличивать наблюдаемую вселенную в триста пятьдесят раз он позволял астрономам рассматривать объекты, находящиеся на расстоянии четырнадцати миллиардов световых лет от Земли. Наблюдение за «Стелсом» было пустяковой задачей.

Но совсем не пустяковой она была для небольшой группы русских специалистов, находившихся с огромными бульдозерами и самосвалами в траншеях десятиметровой глубины в тридцати двух километрах от эпицентра. Люди, одетые в многослойные одежды для защиты от мороза, практически

не отличались друг от друга. Одежда была примечательна не только толщиной – шлемы странной формы делали всех похожими на космонавтов, а темные щитки на глазах были предназначены явно не для защиты от холода. Группа спряталась в траншее, чтобы не выделяться на белоснежном поле, и только один человек находился на поверхности и наблюдал за приближением «невидимки» в мощный бинокль.

В зоне сброса была возведена нелепая конструкция, напоминавшая куб с закругленными углами высотой с двенадцатиэтажный дом. Она была накрыта брезентом, обработанным химическими веществами и закрепленным стальными тросами, привязанными к столбам, глубоко вбитым в промерзшую землю. Метрах в двадцати от куба находилась панель размерами примерно тридцать на тридцать сантиметров, также накрытая брезентом, закрепленным такими же стальными тросами. Обе конструкции выглядели достаточно странно на белоснежном фоне – следы русских специалистов, установивших их, были практически не заметны.

Второй пилот «Стелса» увидел впереди зону сброса и открыл люки бомбового отсека. Сброшенный предмет было практически невозможно заметить невооруженным глазом. Просто темная точка стремительно и бесшумно, из-за завываний ветра, стала падать к земле. Подгоняемая силой тяжести, она падала все быстрее и быстрее. Проследив за ее падением, наблюдатель, стоявший у края траншеи, мгновенно упал на землю и пополз вниз по крутому склону, подав

остальным сигнал, что все должно произойти через считанные мгновения.

Так и случилось, буквально за несколько секунд до падения на землю точка взорвалась, вспыхнув ярче тысячи солнц. Волна испепеляющего жара распространилась на многие километры от эпицентра термоядерного взрыва, пронеслась над траншеей. Люди, находящиеся в ней и защищенные специальными костюмами, ждали, когда пройдет взрывная волна. Грибовидное облако высоко поднялось в безоблачное небо. Когда опасность миновала, если вообще можно считать полностью безопасной зону взрыва, один из людей взглянул на часы и подал сигнал остальным. Они мгновенно поднялись в кабины пяти армейских грузовиков, двигатели взревели, и машины стали подниматься по крутому склону.

Грузовикам, выстроившимся в линию, понадобилось минут двадцать, чтобы доехать до выжженной поверхности, огромной воронки, глубиной метров сто, и медленно уносить ветром грибовидного облака. Грузовики спустились в воронку. Пока ничего удивительного люди не увидели, последствия взрыва были вполне ожидаемыми.

За всем этим наблюдал оперативный центр противокосмической обороны США, подчиненный командованию воздушно-космической обороны североамериканского континента, расположенный глубоко под землей в горах Шайенн рядом с Колорадо-Спрингс. Антенны комплекса, похожие на диковинные заросли, жадно поглощали сигналы датчиков,

расположенных по всему земному шару. Этим утром система раннего обнаружения баллистических ракет навела свой загоризонтный радар на зону арктической тундры и приготовилась к приему данных. По каким-то непонятным причинам взрыв никого не удивил.

В зоне сброса, на дне огромной воронки, исчезли только брезентовые покрытия, буквально испепеленные в момент взрыва. Русские вышли из кабин грузовиков и, вооружившись счетчиками Гейгера, осторожно направились к конструкциям. Только у двоих ничем не приметных людей не было счетчиков, они были наблюдателями, которых не интересовали научные данные. Один из них обошел огромную конструкцию с одной стороны, второй – с другой. Встретились они за ней и стали рассматривать объект более внимательно. Конструкция, казалось, совсем не пострадала от взрывной или тепловой волны. Возможно, взгляд их глаз, закрытых почти черными щитками, был удивленным. Они увидели, что конструкции были изготовлены из пластика в три дюйма толщиной, но явно не из обычного. На них не осталось ни единой царапины, ни единого обуглившегося места. Абсолютно ничего, словно они только что были доставлены с завода. Оба мужчины коснулись конструкций, провели по гладкой поверхности ладонями, защищенными перчатками.

Потом они подошли к квадратной панели, которая также совсем не пострадала от взрыва, за исключением исчезнув-

шего брезентового покрытия. Высокий и худощавый наблюдатель поднял панель с земли, осмотрел со всех сторон и передал коренастому мужчине, который тоже внимательно ее осмотрел. Они посмотрели на небо, на грибовидное облако, которое стремительно разгонял ветер. Скоро не должно было остаться и следа от того, что произошло в этом богом забытом месте.

* * *

День 2. 13.30, восточное поясное время

Президент США Чарльз Патрик Макферсон смотрел в окно зала заседаний западного крыла Белого дома. Он был явно озабочен встречаей в Москве с президентом России Лавровым, предстоящей через двадцать семь часов, и с нетерпением ждал русского курьера – работающего совместно с ЦРУ офицера службы внешней разведки. Стекла, отделявшие зал от улицы, были чрезвычайно толстыми, что являлось совсем не лишней мерой предосторожности, учитывая возможность снайперского выстрела. В каждую раму было

вставлено шесть слоев обычного стекла, разделенных пленкой из поливинилбутираля, создающих прозрачный пуленепробиваемый щит.

Попивая дымящийся кофе, президент думал также об огромном значении совещания в Женеве, предстоящего через десять дней и посвященного проблемам СОИ. Государственный секретарь Лоуренс Скотт Джонсон повесил трубку.

– Служба безопасности сообщает, что курьер приближается к зоне парковки, господин президент.

Президент ничего не сказал, он был слишком поглощен мыслями о том, что должен был доставить курьер, и о последнем взрыве русской термоядерной бомбы.

Секретарь Джонсон не без основания считал, что всегда мог читать мысли президента, и этот момент не был исключением.

– Уверен, что все прошло по плану, сэр.

Президент Макферсон пристально посмотрел на государственного секретаря.

– Рассматриваемая концепция имеет большое значение для будущего мира, она позволит усовершенствовать оружие массового поражения и удовлетворить потребности неразвитых стран в данном материале.

– Я никак не могу поверить в то, что все прошло так гладко, но, тем не менее, это – реальность. Сложно представить, что такое никому не пришло в голову раньше.

– Всему свое время, Ларри.

– Если результат соответствует тому, что нам сообщили, и в Женеве будет принято решение... – Джонсон замолчал.

Президент едва заметно улыбнулся.

– Да, будет повод для праздника, конечно же, при условии, что осуществлению нашего плана ничто не помешает. Мы по-прежнему не знаем, что могут предпринять наши противники.

– Поэтому и решили устроить проверку, господин президент. Информация на диске позволит точно узнать, затевается ли что-то.

– Все будет решено в течение двадцати четырех часов. К визиту в Москву все готово?

– До мельчайших деталей, сэр.

Президент Макферсон удовлетворенно кивнул. Благодаря росту в шесть футов и коротко стриженным темным волосам он выглядел моложаво в темном костюме в тонкую полосу. Президент был старшим сыном в ирландско-американской семье, его отец в год его рождения занимал должность сопредседателя банка «Чейз-Манхэттен». Он гордился тем, что к шестидесяти пяти годам у него не появилось ни одного седого волоса. Ему не было и четырнадцати лет, когда он понял силу богатства, без которого немислимы успехи в политике, и еще не раз убеждался в этом во время обучения в Йельском университете. Чарльз поступил именно в этот университет потому, что многие его выпускники стано-

вились президентами. По крайней мере, так утверждал отец, когда будущий президент заканчивал обучение в Военной академии Джефферсона.

Став сенатором от родного штата Коннектикут, он одержал сокрушительную победу на президентских выборах, естественно, не без помощи отца, и сейчас правил страной уже второй год второго срока. Макферсон гордился тем, что был единственным католиком после Джона Фицджеральда Кеннеди, ставшим главой исполнительной власти. Он полагал, что несет полную ответственность за решение идеологических проблем, связанных с предстоящей финансовой глобализацией. Эта операция получила кодовое название «Глоба-Линк».

Президент все еще стоял у окна, смотрел на улицу, и государственный секретарь Джонсон почувствовал, что сейчас следовало молчать, а не настаивать на разговоре. Лоуренс Скотт Джонсон, покинувший процветающую инвестиционную компанию «Меррил Линч», чтобы стать членом кабинета, задумался. Он прикидывал, сколько денег мог бы заработать, уйдя в отставку, на первой же эмиссии акций после объединения компаний, которым будет поручено производство нового пластика, только что прошедшего испытания в северной Сибири. Джонсон решил, что, покончив с делами, непременно встретится с Раймондом Брукманном – председателем совета директоров компании «Макроникс» и одним из разработчиков теории «Глоба-Линк». Слава богу, он

успел покинуть Уолл-стрит до того, как разразился скандал, связанный с использованием конфиденциальной информации в компаниях «Энрон» и «Уорлдком».

– Голосование в Женеве, господин президент, станет переломным моментом в мировой истории, а ваше имя займет достойное место во всех книгах, которые еще предстоит написать, – заверил президента государственный секретарь.

* * *

В Вашингтоне, округ Колумбия, стоял прекрасный майский день, пышно расцвели вишни. Казалось, воздух был пропитан политическим оптимизмом. Алексей Владимирович Иванов – высокий мужчина, еще вчера рассматривавший пластиковую конструкцию в сибирской тундре, остановил свой черный «Ниссан 240 8X» на стоянке у Белого дома. Он уже предъявил свои документы сотрудникам службы безопасности, которые проверили, есть ли его имя в списке людей, ожидающих встречи с президентом.

Его сотрудничество с ЦРУ началось в тот день, когда террористы взорвали Всемирный торговый центр. В качестве сотрудника Службы внешней разведки – российского аналога ЦРУ, он вступил в борьбу с всемирным терроризмом со стороны России. ЦРУ без промедления приняло помощь,

предложенную президентом Лавровым, там знали, что Иванов был одним из лучших оперативных сотрудников. Сам Алексей в то время был недоволен, и это чувство сохранялось до сих пор, поскольку на его предупреждения о том, что может случиться в процессе борьбы с терроризмом, никто не обратил внимания. Карл Ротштейн, непосредственный начальник, заместитель директора центральной разведки, не стал его слушать из-за каких-то внутренних бюрократических распрей. Именно поэтому Иванов был весьма невысокого мнения о способностях своего нового начальства предвидеть последствия, особенно до событий одиннадцатого сентября.

Алексей Владимирович вышел из машины и закрыл ее. Он был чуть выше ста восьмидесяти сантиметров ростом, и через два дня ему должно было исполниться сорок два. У него были густые темные волосы, которые спадали на лоб и почти закрывали круглые солнцезащитные очки, сидевшие на орлином носу. Каждое его движение свидетельствовало о ловкости и настороженности, выработанных в течение многих лет тайной работы в условиях постоянной опасности. Прикрепив пропуск с фотографией к лацкану, он с «дипломатом» в руке направился к входу в Белый дом.

За Ивановым, подходившим к особняку главы исполнительной власти, наблюдали в бинокль из офисного здания на Пенсильвания-авеню. Огромные линзы закрывали лицо этого человека, но он следил за каждым шагом посетителя.

Иванов прошел мимо нескольких сотрудников службы безопасности, вошел в небольшую прихожую и оказался перед огромным объективом камеры. Он знал, что нужно делать, и сразу же прижался левым глазом к резиновому обручу. Сверкнула вспышка, и камера сделала электронную фотографию сетчатки глаза. Ее узор был уникальным и позволял идентифицировать человека лучше отпечатков пальцев. Он сравнивался с изображениями, хранившимися в файле. На обработку снимка сетчатки глаза Иванова потребовалось чуть больше времени, чем обычно, потому что он посещал Белый дом впервые. Алексей знал, что создается отдельный файл. Наконец сотрудник службы безопасности проводил его к двери приемной западного крыла. Здесь Иванов обменялся рукопожатием с государственным секретарем Джонсоном, который проводил его в зал заседаний, где он пожал руку самому президенту.

– Образец у вас? – сразу же приступил к делу президент.

– Конечно, сэр, – ответил Иванов на хорошем английском, хотя и с легким русским акцентом. Он открыл «дипломат» и достал из него прямоугольную панель, привезенную из тундры.

Государственный секретарь Джонсон протянул президенту телефонную трубку.

– Соединение установлено, сэр.

Президент Макферсон взял трубку «горячей линии», а государственный секретарь принялся рассматривать панель.

«Горячая линия» была проложена сразу же после Карибского кризиса, для обеспечения быстрой и прямой связи между Джоном Фицджеральдом Кеннеди и Никитой Хрущевым. Сначала использовался наземный и подводный кабель, потом была введена спутниковая связь с использованием российского спутника «Молния» и американского «Интелсат». Исправность канала проверялась ежечасно, русская сторона говорила на русском языке, американская – на английском.

Пока государственный секретарь рассматривал со всех сторон панель, Иванов внимательно прислушивался к разговору президента, хотя, естественно, мог слышать только одну сторону.

– Да, он уже здесь, – сказал президент явно довольным тоном, глядя на Иванова. – Образец доставлен. Полагаю, в дальнейших испытаниях нет необходимости. Согласен. Обсудим на предстоящей встрече. Счастливо.

Президент передал трубку Джонсону и достал из ящика письменного стола компьютерный диск в прозрачном пластмассовом футляре.

– Этот диск необходимо доставить президенту Лаврову лично. Он ждет его. Никто не должен знать о его содержимом. Информация является секретной, и вас лично совершенно не касается. Для всех, находящихся вне этой комнаты, этого диска просто не существует. Вам понятно?

– Да, господин президент.

* * *

День 2. 15.05, восточное поясное время

Штаб-квартира ЦРУ находилась в Лэнгли, штат Виргиния, не очень далеко от Белого дома. Буквально через двадцать минут Иванов припарковал машину у корпуса Оперативного центра, где его ждал заместитель директора центральной разведки Карл Ротштейн. Войдя в здание, Алексей прошел к лифту для высшего руководства, расположенному в дальнем конце зала, и поднялся на седьмой этаж, где находился кабинет заместителя директора центральной разведки.

Иванов рассказал Ротштейну о том, что произошло в тундре и в Белом доме. Они сидели друг напротив друга у письменного стола, Ротштейн задумчиво крутил в руках компьютерный диск в футляре и с любопытством разглядывал его, понимая, что Иванов не имел ни малейшего представления о содержимом этой штуки. Потом он толкнул его по столу к Алексею и проследил за тем, как тот убирал диск в «дипломат».

– Гм, – задумчиво пробормотал Ротштейн.

Мозг Ротштейна, как всегда, лихорадочно работал, Карл пытался понять, что могло быть на диске, и имел ли он отношение к взрыву в северной Сибири, который зафиксировало Агентство национальной безопасности. Почему информация была совершенно секретной даже для собственной Компании? Может быть, в отношениях двух государств возникло нечто новое, что уже вызвало такую суету в обоих правительствах? Ротштейну ситуация совсем не нравилась, не нравился даже ее запах. Она явно шла вразрез с его осознанием собственной важности и значительности, а этого он никому позволить не мог.

– Носом чую, здесь что-то не так, – сказал он.

– Послушайте, Геннадий почему-то запретил мне заниматься поиском группы чеченских террористов, работающих в Москве, и это после захвата заложников в театре. Потом этот незапланированный взрыв в Сибири, и я лечу на самолете в Белый дом. Мне это тоже не нравится.

– Зачем все это?

– Я не знаю, не знает и Геннадий, мы просто взяли этот кусок пластика. Существование химического материала, способного выдержать такой нагрев и ударную волну, с точки зрения науки невозможно, вернее, было невозможно, а участие Америки в подготовке взрыва не имеет разумного объяснения.

Ротштейн пристально смотрел на своего подчиненного.

– Это имеет какое-то отношение к предстоящей встрече в Москве. Мы ничего не знаем о ней, и это кажется мне подозрительным, – он задумался на мгновение, потом снова посмотрел на Иванова. – Алексей, что, черт возьми, происходит?

– В порядке подчиненности, я узнаю об этом последним, сэр. Знаю только, что вдруг стал посыльным. Хотел у вас спросить.

– О'кей, ты спросил у меня, а я спрошу у директора центральной разведки. Ничего другого предложить не могу, потому что президент не разговаривает с самыми преданными ему людьми. Пластик, способный выдержать такой нагрев... – он замолчал. – Придется повозиться и найти источник информации. Думаю, сделать это будет не слишком сложно, особенно в Вашингтоне. Ведь дело касается национальной безопасности, – добавил он язвительно. – Впрочем, оставим на время Капитолийский холм в покое, – он откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол. – Жаль, что мы не можем отправить этот диск в Москву при помощи «Федерал Экспресс». Тебе самому не пришлось бы возвращаться, едва успев прилететь сюда.

Заместителю директора центральной разведки исполнился пятьдесят один год. Он всегда был победителем, по крайней мере, считал себя таким с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать лет. Тогда он жил в районе Рего-парка в Нью-Йорке, заселенном так называемым низшим средним клас-

сом. Он понял, что отличается от других детей, когда учился в начальной школе. Его отец – строительный рабочий – мог позволить себе снять для семьи запущенную квартиру, которая ничем не отличалась от других в этом районе. Ротштейн скоро понял, что находится в социальной ловушке и выбраться из нее можно, лишь добившись превосходных результатов во всем. Он стал отличником по всем предметам, потом капитаном бейсбольной команды и, наконец, президентом общества студентов Нью-Йоркского университета. Карл осознал, что будущее зависит только от него, а другого выхода нет, хотя бы потому, что он был евреем.

В те дни быть евреем значило подвергаться издевательствам, о которых не принято было говорить со стороны других детей, а именно этого ему хотелось избежать. Например, все снимали штаны в каком-нибудь пустынном месте и проверяли, кто обрезан, а кто нет, после чего начинались разнообразные издевательства. Но это было только начало. Его большой нос, да и остальные черты лица явно говорили об иудейском происхождении, и это отделяло его от живших рядом ирландских католиков, поляков и итальянцев. Тем не менее, тогда он частенько добивался расположения самых красивых девушек, даже в Государственном университете Нью-Йорка, в котором Карл изучал право. Остальные парни не могли понять, что находили девушки в этом противном горбоносом еврее.

Но это было много лет назад, и он старался забыть о про-

шлом. Именно гордость, как он полагал, помогла ему подняться по служебной лестнице. Став адвокатом скорее волей случая, а не в результате напряженной работы, он поступил на службу в агентство. Ему везло: сначала у него сложились хорошие отношения с бывшим директором центральной разведки Вулсли, потом добиться вершины помогали политические связи. Он мог стать преподавателем или превратиться в говорящую голову на кабельном телевидении «Фокс». Он был не против поработать и в академии, возможно, даже консультантом. Впрочем, об этом думать было рано. Сейчас его занимала загадка диска и большого взрыва в Сибири – он не любил, когда его держали в неведении.

Зазвонил телефон. Заместитель директора центральной разведки, словно очнувшись, схватил трубку:

– Ротштейн.

Алексей тем временем подошел к окну и стал смотреть на стоянку машин для посетителей, потом – на сосновую аллею, отделявшую комплекс зданий агентства от шоссе Джорджа Вашингтона и долины реки Потомак. Взгляд его мог замереть на десять секунд или десять минут, это не имело значения, потому что время словно остановилось в этот момент. По крайней мере, он сможет повидаться с Еленой. Алексей по заданию Форсайта провел в Америке два месяца, она могла встретить его, когда он возвращался из тундры. Прекрасная Елена. Алексей не мог дождаться встречи с ней. Но, задумавшись, он перестал слышать разговор Ротштейна, слов-

но находился в забвении, пока голос заместителя директора центральной разведки не вернул его в реальность.

– Звонил Форсайт. Его команде удалось обнаружить след Юсефа и определить, что сейчас он прячется в многоквартирном доме в Бруклине, рядом с парком Сансет. Я вызову для тебя вертолет, – он взглянул на часы. – Будешь там часа в четыре, останется достаточно времени до наступления темноты.

* * *

День 2. 16.32, восточное поясное время

Парк Сансет находился в заброшенном районе Бруклина, рядом с парком Боро. Здесь жили в основном чернокожие и латиноамериканцы, такого рода изменения начались еще в шестидесятые годы, когда белые семьи среднего класса начали покидать этот район, обрекая его на запустение. Законы выживания, действующие в этом месте, означали необходимость приспосабливаться к любым преступлениям, совершаемым лишь для того, чтобы заплатить владельцам тру-

щоб достаточно низкую арендную плату за перенаселенные квартиры, построенные еще в начале двадцатого века. Люди привыкли к оглушительному грохоту вагонов надземки, проносившихся на Кони-Айленд каждые пять или десять минут. Именно на этих улицах молодежные банды защищали свои территории при помощи выкидных ножей и пистолетов, именно здесь они торговали любыми наркотиками, вошедшими в моду.

Было почти пять часов вечера. Члены одной из молодежных банд с подозрением наблюдали за белым фургоном с эмблемой «Драйно, Инк.» на обоих бортах, повернувшим на узкую улицу с односторонним движением, на которой не было никаких магазинов, только жилые многоквартирные дома. Они знали, что фургон был не из их района, потому что никогда не видели его прежде. Это, как и то, что на переднем сиденье сидели двое белых мужчин, не могло не насторожить их.

Чет Форсайт сидел за рулем, а Алексей Иванов смотрел на номера домов.

– Двести двадцать седьмой дом впереди справа, квартира пять, – сказал Форсайт.

– Бюро решило не марать руки?

– За это я получаю деньги, амиго. Ты ведешь себя слишком нагло. У Компании не хватает сотрудников из-за этой кутерьмы на Ближнем Востоке. СВР считает Ближний Восток зоной интересов России, верно? Лично я, прослужив в

Компании почти двадцать лет, считаю, что отложить на старость можно, только работая на себя, особенно после событий одиннадцатого сентября.

Лицо Форсайта, которое из-за образа жизни было преждевременно испещрено глубокими морщинами, выражало крайнее удивление. Он выглядел старше своих пятидесяти двух лет, и его волосы, в которых совсем недавно проседь была еще едва заметна, с каждым днем становились все белее. Его лицо с грубыми чертами было обветренным, как у моряка, а не у агента, привыкшего работать в одиночку. Взгляд был усталым.

– Может быть, поужинаем и немного выпьем сегодня?

– Если только не слишком поздно. У меня билет на балет.

– Все русские с ума сходят по балету. Это у вас в крови?

– Это называется культурой, Чет, с ней знакома только элита американского общества.

– А кто еще может себе это позволить, учитывая цены?!

Когда вылетаешь?

– Сегодня ночью.

– Значит, у тебя будет шанс повидаться с Еленой. Счастливчик.

Алексей задумался.

– Да, можно и так сказать.

– Следующий дом справа, – сообщил хриплым голосом Форсайт. – Остановимся здесь.

Пока Форсайт припарковывал фургон, Иванов достал

из кобуры под мышкой девятимиллиметровый пистолет «глок-26», быстро проверил его и убрал назад. Выйдя из машины, он бросил взгляд на подростков. На нем был комбинезон сантехника, Форсайт был одет в такой же. Он вышел из кабины, закрыл дверь и запер ее. Алексей посмотрел на тротуар, усеянный битыми стеклами, на перевернутые мусорные баки, почувствовал запах бедности. Рядом со ступенями, ведущими к двери дома двести двадцать семь, сидел небритый пьяница с грязной рожей и полупинтовой бутылкой в руке. На противоположной стороне улицы на тротуаре валялся еще один пьяница – он крепко спал.

Алексей окинул взглядом все пять этажей, обращая особое внимание на поднимавшиеся к крыше пожарные лестницы, именно там наркоманы обычно курили крэк. Судя по тому, что на каждой лестничной площадке было по две квартиры, квартира номер пять находилась на третьем этаже. Это означало, что в нее можно было попасть только по старой грязной лестнице.

Наваффах Юсеф стоял рядом с раковиной и делал то, чему его учили последние четыре года – собирал одну из составных частей бомбы. Он понятия не имел, кому ее передаст. Его это не касалось, он просто выполнял приказ. У этой операции не было центра, она проводилась одновременно в разных местах, разбросанных по всей стране, чтобы у ФБР не возникло подозрений. Юсеф очень гордился тем, что именно ему доверили работу с такими ценными веществами – два

грамма трития, упакованные в никель-водородные аккумуляторы, доставили только вчера. Он относился к избранным, знал место и время Очищения. Огромная честь – отдать ради этого жизнь, на церемонии посвящения он поклялся сделать это.

Юсеф был не арабом, а подтянутым чернокожим мужчиной двадцати семи лет с заплетенными в косички волосами. До того как он шесть лет назад принял ислам, его звали Отисом Чарльзом Брауном, он был одним из троих детей Марты Браун, которая воспитывала его в одиночку большую часть жизни. Его отец, которого он почти не знал и еще меньше хотел вспоминать, стал бродягой. Свое детство Юсеф провел среди афро-американцев, итальянцев и пуэрториканцев. Но чернокожий всегда оказывался обманутым, вне зависимости от того, кто жил по соседству. В то время в школах было модно применять программы защиты прав ущемленных групп, но у него никогда не было персонального наставника, и никто не руководил процессом обучения мальчишки, да и его сестер тоже. Мать много работала, и Чарльз был предоставлен самому себе. После занятий в школе он торчал на углу или играл в пул, если у него были деньги.

Парень понимал, что такая жизнь не приведет ни к чему хорошему. Ему нужна была цель, и он выбрал занятия легкой атлетикой. В то время его героем был Карим Абдул Джаббар, о котором он читал в газетах. Этот человек давно принял ислам и выбрал спокойный для себя образ жизни.

Чарльз считал Карима крутым и умным. А к братьям, которым не удалось добиться спортивной стипендии для обучения в колледже, относились так... нет, только не это. Чарльз был очень умным. Он хотел реализовать свои способности, но зарплата в стране была такой, что прожить на нее можно было только в том случае, если вкалывать весь день на двух работах. Нет, ему было нужно нечто другое. Хотелось нанести удар по власти белых людей, которым было наплевать на черных. Юсеф перещегоолял самого Карима, чувствовал себя более значимым, чистым, способным победить врагов Корана. Он был более ценным, чем арабские мусульмане, потому что был черным, и его нисколько не касалось тайное наблюдение за мусульманами, проводимое ФБР. Его мулла отлично понимал это, и после проверки на верность Юсефу сначала доверили доставлять сообщения, потом — отмывать деньги и, наконец, заниматься оружием. Это было его призванием, и через четыре года, каждый день которых обязательно отмечался пятью молитвами, он заслужил уважение. Конечно, к его обязанностям относились только три операции всего процесса. Он изучал армейские наставления по применению специальных методов и средств, руководства по изготовлению бомб, а однажды, еще до одиннадцатого сентября, ему показали карту, на которой были отмечены такие достопримечательности, как статуя Свободы, Центр Рокфеллера и Пентагон. Сейчас он должен был сделать свою работу на этой кухне, принадлежавшей старухе-мексиканке. Все было

продумано – она жила одна и нуждалась в деньгах. Но с тритием следовало обращаться крайне осторожно.

Дверь вдруг словно взорвалась от резкого пинка Иванова, во все стороны полетели щепки от косяков.

– Ни с места!

Юсеф не расслышал команды из-за шума. Он почувствовал только панический страх, пробежавший по позвоночнику к голове, и бросился к пистолету сорок четвертого калибра, лежавшему у сушилки для посуды. Удар Иванова, рассекший кожу на черепе, настиг его прежде, чем он успел дотронуться до рукоятки пистолета. Но Юсеф не почувствовал его, он совсем ничего не ощущал, просто попытался ударить Иванова ногой по яйцам. Форсайт бросился на него, сбил с ног, и они покатались по линолеумному полу. Юсефу удалось ударить Форсайта по зубам и на секунду лишить чувств.

Пока Алексей поднимал Юсефа с пола и прижимал его к стене, в квартире вдруг появились пьяница и бездомный, несколько минут назад валявшийся на тротуаре. Они незаметно прошмыгнули в комнату. Возможно, у Юсефа от удара сломались ребра, он закричал от боли, а Алексей прижал к горлу террориста «глок-26».

– Давай, испытай меня, Навафф! – закричал Иванов. – Хочешь попасть в рай немедленно или чуть позже?

Глаза Юсефа закатились, он замер от боли и страха, потом начал харкать кровью. Форсайт устало поднялся с пола, вдруг почувствовав себя слишком старым для подобных по-

трясений. Бездомный и пьяница, которые на самом деле были агентами Моррисом Аппельбаумом и Брайаном Шепардом, притащили на кухню визжащую мексиканку лет шестидесяти, которая, как всем стало ясно буквально с первого взгляда, была лишь безобидной испуганной женщиной, пустившей Юсефа в квартиру лишь ради того, чтобы добавить несколько долларов к своему чеку социального обеспечения.

– Что вы вытворяете? Как вы посмели? – визжала она в ужасе оттого, что весь привычный мир словно обрушился вдруг на нее. – Я вызову полицию, ублюдки!

– Кто еще есть в квартире? – спросил Иванов у Шепарда.

– Никого, – ответил Шепард.

– Здесь только он и эта визгливая старуха. Пусть эксперты проверят всю квартиру, – сказал Алексей Аппельбауму. – Соберите все это дерьмо и отправьте в Лэнгли. Да, зачитайте ему его права.

– Насрать мне на его права, – сказал Шепард.

– Зачитай, – повторил Иванов, достав непонятно откуда наручники и застегнув их на запястьях Юсефа.

– И побеспокойся о том, чтобы Юсефу было удобно и приятно, – несколько язвительно добавил Форсайт.

– Об этом не волнуйся, – услышал он в ответ.

Как и все остальные группы, работающие в Манхэттене, Моррис Аппельбаум и Брайан Шепард якобы дежурили с девяти до пяти часов в конторе, расположенной в здании Си-Би-Эс на Парк-авеню, хотя она не значилась ни в одном ука-

зателе. Моррис, вернее, Мори Аппельбаум, человек с квадратной челюстью и подстриженными под «ежик» светлыми волосами, служил в Компании уже восемь лет после окончания университета Нотр-Дам, потому что его всегда больше интересовала работа на правительство, чем, допустим, футбол. Первые три года он проработал в Лэнгли, потом был переведен в Нью-Йорк, после того как один из агентов стал жертвой загадочного убийства. Его жена и двое детей жили в Скарсдейле, он пытался вести нормальный образ жизни, предпочитал перебирать бумажки до пяти часов, но иногда вынужден был принимать участие в операциях, подобных сегодняшней, которые, в чем он никому не признавался, несколько скрашивали чересчур монотонную жизнь.

Шепард, напротив, занимался этим ради Бога и страны.

Когда Юсефа увели, Иванов и Форсайт еще раз осмотрели кухню, обратив особое внимание на первоклассное лабораторное оборудование, и решили, что нуждаются в покое и отдыхе.

Ни тем ни другим им, естественно, насладиться не удалось.

Глава 2

ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ

День 2. 22.00

Этой майской ночью в пустыне, раскинувшейся километрах в шестидесяти от Кабула, рядом с границей с Пакистаном, стояла самая лучшая погода, на которую только мог надеяться Абдул Расул Сайяф. Скоро накатится испепеляющий жар лета, запечет землю, лишив ее последней влаги. Но даже жар будет лучше зимы, проведенной в горах, когда единственным источником тепла являлся огонь, сопровождавшийся предательским дымом, позволявшим американцам, зорко следящим за этой пещеристой местностью, легко находить все убежища.

Час назад Сайяф, повернувшись в сторону Мекки, произнес пятую, последнюю из обязательных молитв, в которой он, как обычно, заверил Аллаха в том, что всегда останется его верным слугой, будет вести жизнь праведника и не нарушать заповеди Корана. За час до этого он навел прицел своего русского «Калашникова» на место, расположенное в двухстах шагах от своего укрытия, и плавно нажал на спусковой

крючок. Пуля пробила каску американского солдата, которому было не больше девятнадцати лет от роду. Он умер, не почувствовав боли, и Сайяф считал, что пощадил неверного. Буквально через несколько минут после этого налетели вертолеты «блэкхоук», но Сайяф, естественно, успел уйти с чувством гордости за то, что внес свой вклад в дело мести за «Талибан», последние представители которого теперь вынуждены были скрываться в горах к востоку от Кабула и в Пакистане.

Скоро ему уже не придется применять столь не эффективную тактику. Его молодой протеже Мухаммед Хуссейн Насрала, которому было всего семнадцать, восхищался меткостью Сайяфа и прекрасно знал, что его герой обладал многолетним опытом. Еще мальчишкой он прекрасно проявил себя в качестве шпиона Северного альянса, внося свой вклад в поражение советских оккупационных войск, а теперь воевал против американцев, которые пришли якобы помочь его народу, а на самом деле преследовали свои, сугубо империалистические цели. Сам Сайяф считал, что недавнее поражение не было бесполезным, потому что ему поручили то, что никогда не приходилось делать ни одному другому сунниту. Став избранным, он почувствовал спокойное удовлетворение. Через три дня он оставит это место и перелетит в город, который ему пока не назвали. Там он получит от «Хезболлы» достаточно денег, чтобы зафрахтовать уже подготовленный для него самолет.

«Аль-Каида» стала остро нуждаться в средствах, потому что американцам удалось перекрыть денежные потоки. «Хезболла», с другой стороны, была хорошо организована и спонсировалась странами Ближнего Востока и Южной Америки, а также получала миллионы долларов от благотворительных организаций в Америке, которые пока не попали в поле зрения ФБР. Поступали деньги и из других стран, в которых мусульмане обладали реальной властью.

Сайяф сидел у входа в пещеру, подальше от огня и треска горящих дров, и думал не о том, что предстояло сделать, а о том, что он потерял менее года назад. А лишился он жены и двоих детей, Сайда, трех лет от роду, и пятилетнего Радж-кумара. Они, вместе с еще семнадцатью гражданскими жителями, погибли во время атаки американского истребителя Г-18. У него разрывалось от боли сердце – так быстро лишиться будущего. Одна бомба, и вся семья исчезла.

Он посмотрел на звезды на ясном небе. Миллионы и миллионы небесных светил были созданы Аллахом с известной только ему самому целью. Иногда по небу пролетала падающая звезда, словно послание Всевышнего, в котором он говорил, что чувствует мысли Сайяфа, что находится рядом с ним и поддерживает его в том, что нужно было сделать. Сайяфа успокоили такие мысли, и он повернулся к огню, к Мухаммеду, который будет поддерживать огонь всю ночь, сидя у костра с винтовкой. Скоро придет сон, а когда Сайяф проснется, новый день приблизит его на шаг к поездке на

восток, в Исламабад, а потом еще дальше.

Сайяф был не молодым, не старым. Ему было тридцать три, рост сто восемьдесят сантиметров, а тело выглядело так, словно устало от долгих лет борьбы и убийств, в то же время он обладал физической силой двадцатипятилетнего. Старыми были его глаза, они видели слишком много смертей близких и друзей. Сайяф жил теперь только ради того, чтобы умирали неверные. Только от этого он мог получить удовлетворение, все остальное не имело ни малейшего смысла. Он был моджахедом, борцом за свободу, и будет им до конца дней своих.

«Когда я был преподавателем английского и испанского языка в университете? – спросил он себя. – Четыре года назад? Пять?» Время потеряло для него всякий смысл. Он начал работать в университете, когда был женат уже шесть лет, то есть женился поздно, по обычаям своего народа. Все студенты были мужчинами, женщины не могли получить образование, если они, конечно, не стали похожими на американок, не обесчестили себя тем, что вступили в борьбу с мужчинами собственной страны. Здесь подобного произойти не могло, потому что неуважение по отношению к мужчине наказывалось публичным избиванием плетью на площади, потому что мужчины являлись борцами за свободу и исполнение предначертаний Всевышнего. Мальчики, которым предстояло стать мужчинами, должны получить прекрасное образование, как это было угодно Аллаху. Сайяф вспоминал

о своих университетских днях с легкой улыбкой на потрескавшихся губах. Она явно говорила о его тоске по мирному времени. Кто в следующий раз попытается отнять у исламского мира его традиции, сделать его игрушкой в руках могущественного правительства иноверцев, которое будет использовать чужую землю ради собственной выгоды, а потом уйдет с богатой добычей, оставив после себя только пыль и пещеры?

Но победы неверных на этот раз не будет, потому что мир стал другим. «Теперь у нас есть сотовые телефоны и Интернет, – думал Сайяф. – Теперь гяурам не удастся отрезать мой народ от остального мира, где есть телевидение и другие технические средства, способные мгновенно передать сообщение куда угодно. Мир стал другим, но современность не способна уничтожить исторические корни: „Макдональдсы" и Всемирная паутина будут отправлены на свалку истории, а наша священная земля возродится».

– Пора спать, – сказал он Мухаммеду.

– Когда мы получим оружие для дальнейшей борьбы? – спросил юноша.

– Оружие доставят через перевал из Джелалабада еще до рассвета. Тебе нужно хорошо отдохнуть.

– Ты скоро уйдешь, – печально произнес Мухаммед, которому уже сообщили о том, что Абдул скоро оставит его.

– Ты присоединишься к другой группе моджахедов и продолжишь убивать американцев. Не волнуйся. Аллах укажет

тебе путь.

– Мне будет не хватать тебя, Абдул.

– Да, – печально сказал Сайяф. – Я тоже буду по тебе скучать. Другие научат воевать тебя лучше, чем я. Не бойся, ты не останешься один.

– Я ничего не боюсь, – сказал молодой воин. – Вернувшись в Кабул, я буду защищать свою семью, потому что уже стал мужчиной.

Улыбка тронула губы Сайяфа.

– Среди нас больше нет мальчишек, верно, Мохаммед? Они остались в другом времени.

– Ты увидишь, я не подведу тебя.

– Конечно, мой молодой друг. А сейчас мне нужно отдохнуть, чтобы набраться сил для того, что я должен сделать.

Сайяфу надо было подготовиться к священному полету в ад.

* * *

День 2. 1 8.30, восточное поясное время

Безоблачное небо уже потемнело, наступали сумерки – любимое время Алексея, когда солнце уже закатилось и небо предвещало наступление темноты, когда зажигались бесчисленные лампочки и рекламы, создававшие впечатление, что Манхэттен никогда не спит. Он сидел с Форсайтом на открытой террасе кафе на Второй авеню в районе восточных пятидесятих улиц, которое скоро должно было заполниться одинокими людьми, ищущими приключений. Ночная тусовка модной толпы, или сейчас это называлось по-другому? Алексей провел ладонью по лежавшему на коленях «дипломату» и закурил. Курить за столиками на улице пока еще не запретили.

Форсайт смотрел, как попыхивал сигаретой Алексей.

– Никак не можешь бросить?

– И даже не пытался, – ответил Иванов, которому было совершенно наплевать на то, насколько далеко зашла в Америке борьба с курением, чуть ли не главной проблемой, стоящей перед великой страной.

Мясо было давно съедено, они откинулись на спинки стульев и наблюдали за смазливymi девчонками, которые парами или тройками прохаживались по улице и выбирали подходящий бар или кафе, в котором им могло повезти.

Форсайт, проработавший в Манхэттене уже восемь лет, слишком хорошо знал, чего хотят эти одинокие женщины, но он был, слава Богу, счастлив в браке и разглядывал красоток чисто ради развлечения. В конце концов, супружеская жизнь

не могла запретить мужчине оставаться мужчиной. Впрочем, он получал мало удовольствия даже от этих взглядов – разум слишком устал от работы, особенно после событий во Всемирном торговом центре. Чет чувствовал, что становится пережитком прошлого, внештатным сотрудником Компании, который все уже видел и постепенно разваливается, трескается по всем швам. Форсайт гордился прежними достижениями и был разочарован бесцельно загубленными жизнями, нелепыми операциями, моралью, которую давно погрузили в огромный мусоровоз и увезли на свалку. У Америки появились новые враги – террористы, заключившие невероятный договор с Богом. Как можно было победить таких людей?

Иванов знал, что чувствовал Чет, они часто разговаривали об этом. Внутри самой Америки находились миллионы врагов, которые могли приходить и уходить, наносить удары, когда им заблагорассудится. Ужесточить порядок выдачи виз? Иванов знал, что Форсайт воспримет такое предложение как шутку, ведь любой человек мог пешком перейти границу практически где угодно из-за недостаточного количества пограничников, которые были обычными людьми и не имели возможности надежно охранять тысячи миль границы на севере и юге. А что предпринимали политики, которые знали об этом? А центр по борьбе с терроризмом ЦРУ? Они не могли переписать законы. Форсайт прекрасно понимал, что страна находится в состоянии глубокого кризиса. Сколько еще ни в чем не повинных американцев погибнет?

– Что сейчас происходит в твоей голове? – насмешливо спросил Иванов, попыхивая сигаретой.

– Тебе незачем об этом знать.

– Я и так знаю.

– О'кей, знаешь. Ты знаешь, я знаю, знают буквально все.

Привлекательная официантка поставила перед ними две бутылки пива.

– Будете еще что-нибудь заказывать?

– Принесите счет, – сказал Иванов.

Она улыбнулась и ушла. Форсайт окинул взглядом стройное тело.

– Ничего нового, – ехидно заметил он.

Иванов уже рассказал ему о привезенном в Белый дом образце пластика. Форсайт был просто поражен. Они долго говорили об этом, но так ничего и не решили, потому что абсолютно ничего не знали. На самом деле Иванов хотел поговорить о диске, но понимал, что не имеет права это делать. На нем была записана информация, доступ к которой разрешался по принципу служебной необходимости, а таковой для Форсайта не существовало, впрочем, как и для Ротштейна. Но думать об этом Иванову никто не запрещал.

– Когда мы получим сведения из Лэнгли?

– Скорее всего, завтра. У Юсефа найдено оборудование для изготовления бомбы, и директор центральной разведки сильно разозлится. Все знают, что Аппельбаум и Шепард владеют ситуацией, и Шепард, насколько я в курсе, ждать не

будет, потому что ему совершенно наплевать на конституционные права граждан, если могут погибнуть простые люди.

– Ресурсы «Аль-Каиды» практически истощены, – заметил Иванов. – Теперь она получает средства только от «Хезболлы», крышей которой «Аль-Каида» считается. За всем этим стоит Иран, поставляющий деньги, оружие и все остальное через Иорданию. Я проверил это через доверенных лиц на Ближнем Востоке. Их банки распухают от наших нефтяных долларов.

– Как это работает?

– Мои источники в Москве сообщают, что в этом завязаны Бейрут, Бангкок, Парагвай и даже организации в США, в частности в Мичигане и Северной Каролине. Кроме того, поставки осуществляются через Индию на Ближний Восток, а также через Гонконг. Примерно двадцать миллионов долларов в год поступают только по этим каналам.

Иванов много раз задумывался, почему спецслужбы Америки не смогли предотвратить события, случившиеся одиннадцатого сентября. Почему не было проанализировано нападение на военный корабль ВМС США «Коул» в 1998 году и взрыв восьмого августа того же года в посольстве США в Найроби, унесший более четырех тысяч жизней. Компания знала о существовании ячейки «Аль-Каиды» в Кении задолго до нападения и держала ее членов под наблюдением. Более того, было получено письмо на восьми страницах от члена «Аль-Каиды», который предупреждал о предстоя-

щем нападении. Посол США в Кении Пруденс Башнелл умолял Вашингтон усилить охрану, но так ничего и не получил, несмотря на предупреждения «Мосссада» о том, что будет заложена бомба. А потом, три года спустя, произошли события одиннадцатого сентября, которые навсегда изменили Америку.

Почему они не смогли соединить точки, все сопоставить?

– У нас и так работы по горло, амиго.

– Ты думаешь, Юсеф – часть этой цепи?

– Конечно, нет, – ответил Форсайт. – Я считаю, что его просто подставили, чтобы скрыть более крупную рыбу. Впрочем, мы все равно вынуждены будем рассмотреть и этот вариант.

– Компания знает. У нее связаны руки, вот и все. Никто не хочет, чтобы война вспыхнула по всему миру.

– Лично я думаю, что Компания попыталась проглотить слишком большой кусок, – сказал Форсайт. – У нее не было выбора, верно? Если разобраться по существу, весь мир, за исключением самых верных друзей, настроен против нас после событий в Ираке.

– Пока это – ваша забота. Лично я сегодня хочу отдохнуть.

– Я забыл, ведь Мариинский театр здесь на гастролях. Что дают сегодня? «Спящую красавицу»?

– «Лебединое озеро».

– Ничуть не лучше.

Форсайт пил пиво из горлышка, когда официантка при-

несла счет.

– Спасибо, джентльмены, – сказала она, надеясь на щедрые чаевые, и ушла, цокая высокими каблуками на очень длинных ногах.

Форсайт никогда не понимал, как женщины всю ночь могут ходить на таких шпильках.

– Нам есть чем заняться. Сафед Альхазми все еще продолжает работать под прикрытием мечети в Бенсонхерсте. Я думаю, нам пора его арестовать.

– А Кабиб Шах Эс-Саид, а племянник Наваффа?

– Они встречаются друг с другом в Чайнатауне, по-прежнему пропускают деньги через свою благотворительную организацию, якобы для изучения ислама.

– Как досье на Рамази Альхмади?

– Толстеет, амиго. Наконец, вчера начали прослушивать его сотовый телефон.

– Я вернусь дня через три, – сказал Иванов, доставая бумажник. – Обсудим все еще раз.

– Как Елена?

– Как всегда, прекрасна. А Роберта?

– Я думал, ты так о ней и не спросишь.

– Как всегда, все в порядке, – с улыбкой произнес Иванов.

– Пока терпит меня, значит, действительно все в порядке.

– Понятно.

Положив деньги на стол, Форсайт уже собирался встать.

– Поеду на метро, – сказал он и добавил более серьезным

тоном: — Будь осторожен, амиго. Дальше будет только хуже.

Иванов удивленно посмотрел на него, понимая, что коллега, конечно, прав. Форсайт работал в спецслужбе половину жизни и мог учуять беду за милю, чувствовал ее костяшки. Но Алексей ощущал, что назревало еще и нечто другое, глобальное и загадочное, не имеющее никакого отношения к терроризму.

* * *

День 2. 19.00, восточное поясное время

Иванов включил свет только у входной двери, потом набрал комбинацию цифр, чтобы отключить сигнализацию, и вошел в трехкомнатную квартиру, построенную в начале XX века. Все здания на Риверсайд-драйв, идущей вдоль Гудзона, были старыми, но ухоженными, и снять в них квартиру было чрезвычайно трудно. Компания арендовала ее после событий одиннадцатого сентября, потому что понимала, что исламские фундаменталисты никуда не исчезнут, а для борьбы с ними очень пригодится русский специалист Алексей Ива-

нов.

Он закрыл входную дверь на все четыре замка и внимательно осмотрел гостиную, спальню и старомодную кухню с огромным обеденным столом. В последний раз он был здесь меньше недели назад, но ему казалось, что прошла целая вечность. Иванов подошел к встроенному в стену сейфу, положил в него «дипломат» и крутанул диск кодового замка. Он заглянул в холодильник и увидел, что морозильная камера забита замороженными обедами. Они лежали здесь уже несколько месяцев, так, на всякий случай, потому что он никогда не обедал дома.

В спальне Алексей подошел к платяному шкафу и снял с вешалки белый смокинг с черными брюками. Он не солгал Форсайту, потому что действительно собирался приятно провести время, прежде чем сесть в такси и отправиться в международный аэропорт имени Джона Фицджеральда Кеннеди. Билет в театр, приобретенный девять дней назад, лежал в ящике комода. Иванов взглянул на часы, увидел, что у него есть еще час до начала спектакля в Линкольн-центре, потом его взгляд упал на фотографию восемь на десять, на которой он был изображен рядом с Еленой.

Снимок был сделан четыре года назад, когда они зарегистрировали брак в московском Дворце бракосочетаний. Церемония была обычной гражданской, без всяких излишеств и заняла всего несколько минут. Незадолго до этого их представил друг другу Рене Шометт. Сейчас Елена выглядела так

же, как и в тот день. Привлекательная блондинка с прямыми волосами до плеч, красивыми голубыми глазами и прямым носом. Очень по-русски красивая. Они встретились во французском консульстве в Санкт-Петербурге, получив предложение СВР «объединиться» после взрывов в Лондоне, произведенных по приказу чеченского генерала Джохара Дудаева, скрывавшегося в то время в горах и убитого российской ракетой 21 апреля 1996 года, что, впрочем, до сих пор не было доказано.

Иванов взял фотографию и долго смотрел на нее. На него вдруг нахлынули воспоминания о том, как они ходили на балет около года назад. Та зима в Санкт-Петербурге была холодной и снежной. Алексей вдруг вспомнил, что Форсайт почему-то предположил, что в Линкольн-центре сегодня будут давать «Спящую красавицу», ведь именно на этот балет Чайковского они ходили тогда с Еленой.

Они договорились встретиться у входа в Мариинский театр, он пришел рано, увидел огромную толпу людей, надевавшихся в последнюю минуту купить билет с рук. Елена еще не подошла. Он почувствовал, как холод проникает сквозь кожаное пальто, потер руки в перчатках, чтобы согреть их, и решил отойти вправо, подальше от ярко освещенного входа. Рядом с ним висела афиша в стеклянной витрине, туристы, по виду в основном из Азии, фотографировали ее, выдыхая огромные клубы пара.

Алексей решил покурить и отошел еще дальше вдоль сте-

ны театра. Он перешел улицу и прислонился к парапету набережной Крюкова канала, проходившего перпендикулярно улице Декабристов, на которой сейчас жили в основном «новые русские», потому что только они могли заплатить сумасшедшие деньги за квартиры в этом элитном районе. Он закурил «Мальборо» – эти сигареты до сих пор оставались одними из самых популярных в России, и выдохнул дым в морозный воздух. И вдруг он увидел ее. Женщина выходила из-за угла, словно знала, где его искать.

Она, очень по-русски, была одета в элегантное длинное норковое мanto и шляпу из такого же меха. Елена выглядела безупречно, в ней было шикарным буквально все, даже походка. Она держалась прямо, шаги были длинными и грациозными. Елена без всякого притворства сообщала всем, кто смотрел на нее, что она была прекрасной женщиной. Глядя на нее, Алексей не мог не подумать о том, как сильно он ее любил.

У них были билеты в ложу, которую раньше мог занимать только царь Николай II, она располагалась на уровне бельэтажа, строго в центре зала. Из фойе они прошли в небольшой, богато украшенный зал, на стенах которого висели картины, а вдоль стен стояли обитые шелком диваны и статуи Моцарта, Баха и Римского-Корсакова. Этот зал находился сразу за царской ложей, в нем поддерживался идеальный порядок, стояло несколько столиков со стульями, был даже слуга, готовый выполнить любую прихоть. Алексей говорил с ней о

каких-то пустяках, чтобы снять напряжение. Он не знал, о чем с ней говорить, и почему-то чувствовал себя виноватым. Сейчас, глядя на фотографию, он вспомнил все в мельчайших подробностях.

Тогда он стремительно бежал по жизни, ему хотелось всего и сразу, хотя Алексей не мог вспомнить почему. Может быть, его тревожило то, что она уделяла ему больше внимания, чем он ей? Тогда у него почти не оставалось времени на Елену, а она требовала внимания, которое было необходимо для поддержания нормальных отношений. Он корил себя за то, что мог так мало дать ей. Сейчас Алексей смотрел на свое лицо в зеркале и видел, как он устал. Почему он вдруг вспомнил о том давнем чувстве вины, если последние два года были полны любви?

* * *

Многоцветные фонтаны во дворе Линкольн-центра осыпали брызгами толпу, продвигавшуюся к входу в театр. Иванов превосходно выглядел в белом смокинге, он чувствовал себя уверенно в толпе театралов в черных бабочках и блестящих вечерних платьях. Гастроли Мариинского театра были знаменательным событием, и даже американцы отдавали дань уважения самой знаменитой в мире балетной труппе.

Кроме того, он шел на балет Чайковского, самый любимый. Тем не менее Алексей не мог окончательно выбросить из головы мысли о том, что происходило в мире, об угрозах «Аль-Каиды», грозившей применить оружие массового уничтожения. Но особенно его беспокоили мысли о пластике, который мог защитить от термоядерного взрыва, о его химической основе. Американцы и русские тайно договорились о производстве этого материала, но с какой целью? Что именно происходило в тайне от всех, и действительно ли в тайне? К сожалению, завтра у него не будет времени поговорить обо всем с Геннадием в Москве, а сделать это было крайне необходимо.

Он вдруг почувствовал какую-то необъяснимую тревогу и остановился, чтобы закурить, не подозревая, что на другой стороне широкой Коламбус-авеню, пересекавшей Бродвей, в небоскребе Американского общества композиторов, авторов и издателей, среди множества ярко освещенных окон было несколько темных. Из одного из них за ним кто-то наблюдал в тот же бинокль, который использовался при визите Алексея в Белый дом. Лица этого человека, как и прежде, не было видно, но наблюдал он за Ивановым крайне внимательно.

Глава 3

ПЛАНЫ, КОНТРПЛАНЫ

День 3. 10.00

Из предосторожности Елена Ванеева не взяла фамилию мужа, хотя ее брак с Алексеем ни для кого не был тайной. Она купила новое платье от Шанель в ЦУМе на Красной площади, вышла на переполненную народом улицу и тут же посмотрела на затянутое тучами небо в надежде, что дождя не будет. Елена, как и большинство москвичей в это время года, захватила с собой зонтик и сейчас держала его в руке вместе с большой сумкой и пакетом с покупками. Она шла быстро, иногда останавливаясь и проверяя, нет ли за ней хвоста.

Она была красивой двадцатилетней блондинкой, яркая внешность и уверенные манеры автоматически причисляли ее к категории «новых русских». Люди, спешившие непонятно куда, смотрели на Елену с завистью – вся одежда на ней была создана модными европейскими модельерами, за исключением лишь некоторых предметов, сотворенных американцами Келвином Кляйном и Биллом Блассом.

Она работала курьером Федеральной службы безопасности и по долгу службы часто бывала во Франции, где во время одной из поездок и была завербована. Конечно, у нее были на то собственные причины, как и у любого другого человека, решившего изменить родине.

В ее случае все можно было объяснить историей семьи. Прадед Елены Павел Александрович Ванеев был близко знаком с князем Юсуповым, аристократом, принимавшим участие в убийстве Распутина. После октябрьского переворота прадед примкнул к большевикам. Он сделал это скорее из-за страха, учитывая сокрушительное поражение Белой армии, чем по политическому пристрастию.

Его сын – дед Елены – дослужился до звания майора, потом попал в плен, когда воевал с немцами. Ему удалось спастись бегством, он долгое время скрывался в лесах в Германии, пока его не нашел в конце 1944 года немецкий крестьянин. Этот человек, как и многие другие немцы, понял, что война безнадежно проиграна, и решил использовать спасенного русского не только в качестве дешевой рабочей силы, но и для того, чтобы было кому за него заступиться после неминуемого краха Третьего рейха.

Ему удалось сбежать во Францию, участвовать в Сопротивлении и, одному из немногих, вернуться в Россию. После войны он возглавлял комсомольскую организацию пригорода Ленинграда Павловска. Он женился на бабушке Елены, которой удалось пережить девятисотдневную блокаду, и все

в том же Павловске родилась мать Елены. Она получила хорошее образование и добилась высокого положения в администрации стекольной фабрики, расположенной в Невском районе Ленинграда.

Мать Елены давно погибла в железнодорожной катастрофе. Деда за неосторожные высказывания о стране и партии, признанные подрывными, сослали в Восточную Сибирь, где он и умер за колючей проволокой от голода и пневмонии. Его смерть озлобила Елену, которая считала отца невиновным. Позднее государство осознало свою ошибку и реабилитировало деда, а Елена благодаря хорошим оценкам в университете, где она изучала языки и научилась без акцента говорить по-английски, получила работу во время правления Бориса Ельцина. Ее приняли в ФСБ, в отдел, занимавшийся борьбой с хищениями государственной собственности. Ее переход на сторону врага был вызван именно озлобленностью. Алексей, естественно, был в курсе, боялся, что все станет известно ФСБ, и надеялся на чудо, на то, что ей каким-то образом удастся избежать поимки и тихой ликвидации без суда и следствия.

Она доехала на такси до станции метро «Охотный ряд» и посмотрела на часы. Точность в ее деле имела исключительно важное значение – Елена должна была прибыть на встречу с агентом на станцию «Площадь Революции» на поезде, который покажется из тоннеля через четыре с половиной минуты. Метро Нью-Йорка славилось грязью и огромным ко-

личеством бездомных, а станция «Площадь Революции» была похожа на зал оперного театра, перенесенный под землю. Она была безупречно чистой, в мраморных арках висели замысловатые люстры, стены украшали подсвеченная роспись и мозаичные панно со сценами из истории России. Красота этой станции могла очаровать любого человека, увидевшего ее впервые.

Поезда московского метро славились тем, что ходили четко по графику и никогда не опаздывали. Вовремя прибыл и нужный ей поезд. Он вылетел из черного тоннеля, прорытого глубоко под московскими улицами, и, закрипев тормозами, остановился, из него хлынули люди. Потом толпа подхватила Елену и буквально внесла в вагон. Динамики прохрипели: «Осторожно. Двери закрываются», створки сомкнулись, и люди, которым посчастливилось попасть в вагон, оказались стиснутыми, как сардины в банке.

Ей предстояло встретиться с мужчиной, лица которого она не знала. Этого требовали соображения безопасности. Он был обычным курьером, низшим звеном в иерархии разведчиков. Елена могла бы узнать, как он выглядел, но не хотела. Отличить его она сможет по газете «Известия», которая должна быть сложена в прямоугольник двадцать на тридцать сантиметров, с подогнутыми верхним правым и левым нижним углами. У нее застучало в висках от жуткого грохота поезда, несущегося к следующей станции, на которой она передаст французскому агенту микрокассету с располо-

жением хранилищ химического оружия. Француз передаст ее американцам, что послужит урегулированию отношений, нарушенных после начала войны в Ираке.

Господи, как ей хотелось поскорее выбраться из этой кровавой неразберихи. Но на этот раз кровавой не только на словах. Теперь будет резня. «Алексей, любимый, – говорила она мужу, в котором не чаяла души. – Ты поступаешь, как считаешь нужным, я делаю то же самое. Мы оба играем с огнем. Исчезнем мы в пламени или сможем спастись? Потому что всего одна ошибка, один Гаих рав...»

Она отвлеклась от грустных мыслей, задумалась о том, что предстояло сделать буквально через несколько секунд, когда поезд остановится на станции «Библиотека имени В. И. Ленина» и они на мгновение коснутся друг друга. Когда толпа ринется из вагона, курьер случайно уронит газету, она – пакет с покупками, передача, благодаря ловкости рук, произойдет мгновенно и будет сопровождаться извинениями. Конечно, если случится нечто непредвиденное, придется доехать до следующей станции. Но все прошло гладко, как всегда, и Елена вышла из вагона вместе с толпой.

На частном такси она доехала до Манежной площади, чтобы пополнить свою коллекцию дамских аксессуаров еще одной сумочкой от Луи Виттона.

День 3. 20.00, восточное поясное время

Президент Макферсон, поглощенный мыслями о предстоящей встрече с Лавровым, тупо смотрел на письменный стол и практически не замечал профессора Мюллера, нерешительно вошедшего в Овальный кабинет вместе с государственным секретарем. Главным для него, как и для всех других президентов со времени правления Рейгана, была Стратегическая оборонная инициатива. Искусственный интеллект компьютерной системы стал практически совершенным благодаря тому, что Комиссия по бюджетным ассигнованиям выделила дополнительно несколько миллиардов долларов на его усовершенствования, и сейчас он мог перепрограммировать некоторые элементы собственного программного обеспечения, пока межконтинентальная баллистическая ракета находилась в полете.

Именно этим объяснялось присутствие в Овальном кабинете профессора Мюллера – директора отдела вычислительной техники Ливерморской лаборатории, который воз-

главлял разработку Стратегической оборонной инициативы. Еще в молодости он считался лучшим студентом в выпуске Калифорнийского технологического университета, а два года назад защитил докторскую диссертацию по физике высоких энергий. Его диссертации был присвоен гриф «Совершенно секретно». Как считал профессор, проблема СОИ состояла в том, что ни одно оружие не могло считаться чисто оборонительным или чисто наступательным. Уже был изобретен высокочастотный квадрапол, который использовался при разработке пучкового оружия на нейтральных частицах, в ходе исследований применялась магнитная установка сдерживания плазмы «Токамак», а в рамках СОИ шли в ход и многие другие новейшие открытия.

Профессор Эрих Иоганн Мюллер был маленьким опрятно одетым мужчиной за шестьдесят, похожим на ксерокопию Альберта Эйнштейна, с копной седых волос, в очках для чтения на грушевидном носу. Его интересовала только наука, но никак не политика, и он знал, когда нужно было говорить, а когда следовало промолчать. Сейчас он терпеливо ждал, пока президент не попросит объяснить то, что его интересовало, но первым не выдержал государственный секретарь.

– Кому пришла в голову идея использовать СОИ в качестве прикрытия, господин президент? – спросил Джонсон. – Вам или Лаврову?

– Конечно, советнику по национальной безопасности, – раздался ответ. – Когда я что-нибудь делал, не выслушав сво-

их советников?

– По вашему приказу я разъяснил пресс-секретарю Лаури, что взрыв, произошедший вчера в Сибири, не будет освещаться средствами массовой информации.

В ответ не последовало никакой реакции.

– Тем не менее, – продолжал государственный секретарь, – вы не можете не признать, что эта новость была ошеломляющей.

– Все произошло именно так, как и предсказывалось лабораторными испытаниями, – коротко заметил президент.

– Результат напрямую связан со Стратегической оборонной инициативой, хотя цель не была воздушной.

Профессору начинало надоедать такое бесцельное растратывание времени, у него были более интересные дела, которыми он с удовольствием занялся бы, если бы его не вызвали в Белый дом. Что касалось СОИ, он знал, что привлекательность любого оружия, как и кинозвезды, зависела от отношения к нему стороннего наблюдателя или от направления, в котором оружие было нацелено. Он знал также, что успех в военных действиях всегда определялся необходимым равновесием наступательных и оборонительных вооружений, именно в этом состояла истина. Сторонники ядерного оружия не считали атомную войну чем-то немислимым, да и не могли считать, пока существовали такие мятежные страны, как Северная Корея, которые в любую секунду могли зажечь фитиль. Да, проблема, несомненно, была комплекс-

ной, но всегда существовало решение, хотя и не всегда идеальное. Впрочем, мир никогда и не был идеальным.

Президент, наконец, посмотрел на профессора Мюллера.

– Я просмотрел ваши замечания, но мне нужно резюме по программе, на тот случай, если у меня не будет времени внимательно изучить все материалы. Мне нужна, так сказать, суть Стратегической оборонной инициативы. Разве она не зависит от нашей ведущей роли в компьютерной технике?

– Зависит, – ответил профессор.

Государственный секретарь Джонсон вопросительно посмотрел на президента Макферсона и откашлялся.

– Доктор Мюллер, объясните президенту все более подробно, чтобы все стало абсолютно понятным, если возникнет необходимость отвечать на вопросы Лаврова при личной встрече.

Перед глазами доктора Мюллера на мгновение возникли все его труды по физике и ядерной химии. Некоторые могли считать его неприятным человеком, но он прекрасно понимал сложности, возникавшие в том случае, если чистую науку пытались поставить на службу политическим интригам.

– Господин президент, – откашлявшись, сказал профессор. – Будет лучше, если я объясню в первую очередь некоторые технические вопросы. – Он помолчал, но, не дождавшись ответа, продолжил: – В данном виде оружия в огромной степени используются давно существующие технологии, но на квантовом уровне. В нашем случае, например, атомы

определенного вещества дублируются, что приводит к колебаниям электронов между состоянием энергии и покоя. В данном случае энергия высвобождается в форме сфокусированных инфракрасных волн.

– Мне уже говорили об этом, – сказал президент.

– Итак, в процессе разработки Стратегической оборонной инициативы, если припоминаете, высказывались предложения об использовании лазеров для поражения приближающихся межконтинентальных баллистических ракет противника. Но такие предложения не были лишены недостатков. Для генерирования лазерного луча, мощности которого будет достаточно для поражения такой ракеты, необходимо использовать относительно коротковолновый диапазон, то есть чем меньше длина волны, тем мощнее луч. Но в случае уменьшения длины волны непомерно возрастает энергия, необходимая для генерирования такого луча, поэтому совершенно не стоит поднимать в космос многотонное силовое оборудование. По мнению научных кругов, лазер следовало бы оставить на земле, рядом с источниками энергии, а на орбите разместить отражатели, для отклонения лазерного луча и поражения целей. По результатам опытов это было признано неосуществимым, ведь даже по математическим расчетам ясно, что невозможно обеспечить необходимые оптические свойства и обработку поверхности таких зеркал.

– Понятно, понятно, – нетерпеливо произнес президент. – Ближе к сути.

– О'кей, попробую все упростить для краткости. Рассматриваемые нами рентгеновские лазеры не были признаны эффективным противоракетным оружием из-за того, что в качестве источника питания необходимо использовать атомный взрыв, а это слишком опасно.

– И появился другой лазер, – сказал президент, взглянув на часы, – его уже ждал вертолет.

– Да, господин президент. Лазер гамма-диапазона, или гразер, показался нам достаточно удачным вариантом, потому что такое устройство вызывает колебания самого атома, а не электронов, для генерирования импульса энергии. Вы можете припомнить, что еще в колледже вас учили, что протон или нейтрон ядра атома обладает массой, превосходящей в тысячу восемьсот раз массу электрона.

На мгновение профессор вдруг подумал, что находится в аудитории, а его студентами являются два самых могущественных человека в Соединенных Штатах.

– Итак, что касается гразера, – продолжил он. – Ядра изотопа рубидия насыщаются энергией рентгеновских лучей. Затем колебания генерируют «лазерный» импульс, то есть пучок энергии в виде гамма-лучей. Длина волны гамма-излучения крайне незначительна, гораздо меньше ангстрема, что позволяет получить пучок шириной не менее четырех километров, чего вполне достаточно для поражения цели.

– А это означает, – заключил президент, – что он может поразить, как недавно было доказано, несколько ракет или

боеголовок одним импульсом.

– Таким образом, – продолжил профессор, меряя шагами кабинет, – энергия, высвобождаемая импульсом гразера, равна приблизительно двадцати триллионам ватт, то есть ее вполне достаточно для уничтожения любой цели.

Секретарь Джонсон снова откашлялся.

– Что именно, по вашему мнению, необходимо обсудить при встрече с президентом Лавровым? – несколько неуверенно обратился он к президенту.

– Я проконсультируюсь по этому вопросу со своим кабинетом, – сказал президент. – Естественно, я доверяю Лаврову ничуть не больше, чем он мне.

– Естественно, – сказал государственный секретарь.

* * *

День 3. 19.00

Погода была пасмурной, обычной для Москвы в это время года. Полковник Илья Васильевич Юсуфов застегнул шинель, собираясь уйти из здания ФСБ. Ему было под пятьде-

сят, небольшого роста, с узкими плечами. Внешний облик этого человека не совсем соответствовал занимаемой должности помощника начальника Второго главного управления, но недостатки физического развития с лихвой компенсировались хитростью и коварством. В его обязанности входили операции по обеспечению внутренней безопасности и контрразведка, поэтому он не доверял буквально никому. Особенно американцам. Он не испытывал личной неприязни к американским гражданам. Они были обычными людьми, не хуже и не лучше других. Ему просто не нравилась Америка.

Да и не ему одному. Десяткам миллионов россиян не нравилась Америка – страна, которая навязывала свой образ жизни фильмами, наполненными сексом и насилием, устанавливала новый век декаданса, приправленный быстрым питанием и сатанинской музыкой.

Еще ему не нравилось, что американцы вбили себе в невежественные головы мысль о том, что они во всем превосходят русских или европейцев. Илье Васильевичу не нравилось их самодовольство, вызванное превосходством в технике и финансовым доминированием в мире. Он считал американцев империалистами, навязывающими свою волю неразвитым бедным странам, смиренно ожидающим подаяния в виде финансовой помощи.

Годы, проведенные под воздействием марксистско-ленинской теории, невозможно было вычеркнуть из жизни, и Юсуфов оставался коммунистом. Как коммунист он вмешивался

вался в игру политиков, свято веря, что Советский Союз одержит сокрушительную победу в холодной войне. Проблема заключалась в том, что западная идеология периода, предшествующего глобализации, отличалась непредсказуемостью, особенно в военной сфере, и именно поэтому Восток опасался ее, никогда в этом не признаваясь. Партия тратила миллиарды на шпионскую деятельность против Запада, а потом все это одним взмахом было выброшено на свалку. Тем не менее десятилетний план по освоению нефтяных месторождений в России, разработанный американцами, был достаточно выгодным и мог стать основой нового союза.

Юсуфов остановился у двери, которая вела во двор, где его ждала машина, и осмотрелся. Стены были отделаны какими-то ржавыми гранитными плитами, которые предназначались для здания страховой компании, названия которой он, естественно, не помнил. Все здание представляло собой отражение эпохи, когда строились дома с высокими потолками и огромными дверьми, длинные коридоры были плохо освещены, потому что не следовало обращать внимания на лица людей, которые по ним ходили. Здесь все по-прежнему передвигались с серьезным видом, держа рты на замке, словно боялись выболтать секреты, которые свято хранили привидения, населявшие это здание.

Илья Васильевич вышел на улицу, закурил «Винстон», посмотрел на небо, окинул взглядом Лубянскую тюрьму и серый дом на площади Дзержинского. Здание было неразрыв-

но связано с советской историей, в нем находился еще КГБ – Комитет государственной безопасности, который раньше назывался ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем, основанной по приказу самого Ленина 20 декабря 1917 года. Именно здесь проводил допросы Феликс Эдмундович Дзержинский – Железный Феликс – первый председатель ЧК, поляк по происхождению.

Юсуфов долго смотрел на здание – столько истории в одном месте. Потом он поднял взгляд на пасмурное небо, после посмотрел на проносившиеся мимо американские и немецкие машины, вспомнил о том, как все было раньше, и пожалел о том, что старого уже не вернуть. Впрочем, перемены в постсоветской России оказались не слишком значительными, во многом они были чисто внешними. Большевицкие традиции, зародившиеся в ЧК в далеком семнадцатом после победы Великого Октября, сохранялись группой настоящих профессионалов, которые до сих пор называли себя чекистами. В сущности, и до сих пор никаких перемен не произошло. Так думал Юсуфов, глядя на темнеющее небо. Чекисты менялись, оставаясь прежними. Он улыбнулся. Как там говорили американцы? Все повторяется.

Но сейчас его занимали другие мысли. Первая и самая главная из них была о том, что Алексей Иванов, переданный, так сказать, в аренду Америке для взаимодействия в борьбе с терроризмом, был послан в Белый дом с секретной

миссией. Это не совсем устраивало Юсуфова. Конечно, рано или поздно он узнает обо всем, ведь в Кремле плохо хранятся тайны. Илья Васильевич решил действовать крайне осторожно, потому что происходило нечто странное, и он обязательно должен оказаться в числе посвященных, рано или поздно.

Он сел на заднее сиденье черного «мерседеса», сделал еще одну затяжку и сказал водителю:

– На Остоженку.

Там находилась штаб-квартира СВР, в которой, в чем он не сомневался, Иванов должен был встретиться с Христенко.

* * *

День 3. 20.30

Хмурые тучи над Москвой разродились дождем, который заколотил по крыше здания СВР на Остоженке, 51/10, куда Служба внешней разведки вынуждена была переселиться из старого здания КГБ на площади Дзержинского после реорганизации российских спецслужб. Служба внешней разведки

состояла из нескольких управлений, одним из которых было управление охраны, подчинявшееся непосредственно президенту страны Виталию Лаврову. В частности, к этому управлению относилась служба «Альфа» – подразделение быстрого реагирования, используемое для борьбы с терроризмом. Бойцы именно этого подразделения в девять часов вечера 23 октября 2002 года освобождали театральный центр на Дубровке, в котором чеченские террористы удерживали более восьмисот заложников.

СВР начиналась как центральная служба разведки, подчиняемая КГБ, потом, 8 июня 2000 года, была реорганизована в Службу внешней разведки. Ее Первое управление, возглавляемое в то время Сергеем Николаевичем Лебедевым, специализировалось действительно на внешней разведке, или контрразведке, и отвечало за координацию контрразведывательных операций на территории бывших республик и за ее пределами, а также за борьбу с наркотиками, организованной преступностью и терроризмом.

Из окна второго этажа смотрел на залитые дождем мрачные улицы Геннадий Игоревич Христенко – низенький и коренастый генерал, начальник Первого управления в течение двух последних лет. Он думал не об образце пластика, взятого им и Алексеем Ивановым три дня назад на месте термоядерного взрыва, а о том, с каким трудом он, совершенно измученный приступами кашля, встал сегодня утром после практически бессонной ночи.

Ему было уже семьдесят пять, он отказывался уходить в отставку, хотя уже мало чем напоминал молодого крепкого офицера, боровшегося с венгерскими повстанцами в 1956 году, и даже зрелого мужчину, командовавшего войсками в Афганистане в 1979-м. Сейчас Геннадий Игоревич был седовласым стариком, который проснулся в шесть утра от грохота в голове и увидел, что на улице было еще темно, совсем не так, как на севере, где в это время года уже наступали белые ночи.

В первую очередь он прошел в туалет, чтобы помочиться, потом умылся и принял две таблетки аспирина. Закашлявшись, Христенко выплюнул то, что скопилось в груди, и долго рассматривал желтоватую мокроту с прожилками крови, потом посмотрел в висевшее над раковиной зеркало и увидел еще раз, что сделали долгие годы войн с Героем Советского Союза. Когда-то ясные голубые глаза были воспаленными, взгляд безжизненным, обычно румяное лицо стало теперь бледным, как у трупа. Кожа на щеках обвисла, нижнюю часть некогда красивого лица покрывала серая щетина.

Он прополоскал рот водой, чтобы смыть неприятный привкус, прошел на кухню, чтобы сварить кофе, подумал, стоит ли что-нибудь съесть, но решил ограничиться только кофе. Мысли генерала были заняты термоядерным взрывом в Сибири, о котором еще ничего не написали в газетах. Он хмыкнул, прекрасно зная, почему не написали – привычная логика военной политики.

По мнению Христенко, российская демократия по-прежнему находилась в руках структуры, породившей тоталитаризм, в которой, включая его самого, служили офицеры, поддерживающие этот режим. Их жизнь изменилась, причем не в худшую сторону. Он тоже полагал, что у него есть будущее, пока год назад не начались приступы сухого кашля, становившиеся день ото дня все более мучительными. Да, такой была сегодняшняя жизнь. Его сын Сергей, воевавший в Афганистане полковником, погиб, жены он лишился тридцать лет назад. В квартире, казалось, было холодно от одиночества. Он поднес к уху трубку цифрового телефона, чтобы вызвать служебную машину.

– Рамази Альхмади и Кабиб Шах договорились о встрече в Чайнатауне, чтобы переправить в Бейрут очередную сумму отмытых денег. Форсайт будет заниматься этим вопросом, пока я не вернусь.

Голос Иванова резко отвлек Христенко от печальных мыслей, напомнил о том, что он должен сообщить не совсем приятные новости. Он не знал, с чего начать.

– Да, включи эту информацию в свой рапорт, я разберусь с этим позже, – сказал Христенко и потушил окуроч в пепельнице. – Сейчас мы должны обсудить другой вопрос. – Он глубже опустил в кресло, пристально посмотрел на Алексея, его голос стал резким. – То, что я скажу, предназначено только для твоих ушей. Первое главное управление было проинформировано о том, что ты отдал президенту Лаврову

диск с записью альбома «The Beatles» под названием «Наги Бай'в Ш amp;М». Настоящий диск хранился здесь для обеспечения безопасности. Нам сообщили об этом из Кремля по линии служебной связи буквально за двадцать минут до твоего прихода.

Алексей был шокирован.

– Я передал диск, который получил в Америке. Другого у меня не было.

Христенко криво усмехнулся.

– Это было проверкой с целью обнаружения шпионов. Они не верят даже собственной разведывательной службе. Возможно, в операции участвовали вражеские элементы, и это необходимо было выяснить. Я несколько не удивлен. Если произойдет малейший сбой в их довольно слабой системе безопасности, им достаточно будет только указать пальцем на тебя и тех, кто был связан с тобой.

– Не понимаю.

– Обдумай следующее. Зачем было отдавать диск тебе, если президент Макферсон мог лично передать его Лаврову? Тебя использовали как пешку, впрочем, как и всех нас. Встретимся в клубе ровно в три. Пока отправляйся в отдел «Курск» в библиотеке имени Ленина, найди на двадцать второй полке «Войну и мир». Я в качестве начальника Первого главного управления просмотрел настоящий диск, более того, сделал копию и спрятал ее в этой книге.

Лицо Алексея стало еще более удивленным.

– И?...

– Потом. Все потом.

– Геннадий Игоревич, этот пластик... Почему молчит научное сообщество?

– Потому что научное сообщество ничего не знает о нем, не считая посвященных.

– Но...

– Потом. – Беспокойный генерал о чем-то задумался, потом встал, подошел к окну и вдруг чему-то улыбнулся. – Да, возможно, мы передали не тот диск, но копия настоящего понадобится в качестве доказательства того, что должно произойти. Шпион, если он есть в СВР, ЦРУ или КГБ, не подозревает о его существовании.

Иванов не знал, как относиться к его словам, его лицо выражало замешательство, и он, сидя в кожаном кресле, явно ждал, когда Христенко продолжит.

Но генерал молчал, он думал о том, что ничего подобного не могло произойти раньше, когда военная сила имела значение. Тогда ядерный арсенал Запада представлял главную угрозу для социалистического лагеря, и противостояние этому арсеналу было первейшей обязанностью советских вооруженных сил. СССР необходимо было иметь возможность уничтожить ядерный арсенал западных стран, если кризис достигнет такого состояния, когда словами решить ничего уже невозможно.

«Настоящей целью, – думал Христенко, – являлось уни-

чтожение американских ракет, что означало разработку своих высокоточных и дорогостоящих средств доставки, способных уничтожить американские ракеты „Минитмен“, подводные лодки и базы бомбардировочной авиации, нанести удар, который разоружил бы Запад, не вызвав всемирной катастрофы». Христенко был уверен в том, что они должны были обладать преимуществом нанесения контрударов, направленных на оружие, а не на людей. Но правила игры изменились с развалом СССР и появлением западных ракет «Трайидент Д-5», поставивших под угрозу старую советскую оборонную доктрину благодаря развитию западной глобальной системы навигации и определения местоположения, без которой американские подводные лодки не смогли бы достаточно точно определить координаты русских пусковых установок и поразить их.

Голова Христенко была занята мыслями об этом, пока он смотрел на залитую дождем улицу из окна второго этажа. Его грудь вдруг затряслась от приступа кашля. Он выплюнул мокроту в носовой платок и спрятал его в карман.

– Нам не все сказали, мой друг, – сказал Христенко, доставая очередную сигарету «Кэмел» и прикуривая от золотой зажигалки, купленной лет двадцать назад. – Как сказали бы англичане, что-то назревает. – Христенко вдруг улыбнулся. – Подумай сам, Алексей Владимирович, в северных районах Сибири взорвано термоядерное устройство, но средства массовой информации не получили об этом никакой инфор-

мации, несмотря на то что взрыв был зафиксирован спецслужбами многих стран. Через девять дней главы этих правительств собираются в Женеве, якобы для обсуждения глобальной экономики и американской Стратегической оборонной инициативы.

Иванов долго и пристально смотрел на него.

– Геннадий Игоревич, что происходит?

В кабинет, стряхивая капли дождя с зонта, вошел Юсуфов.

– Я слышал, что ты должен был вернуться, – сказал он Иванову. – Но информация поступила достаточно неожиданно.

– Из меня сделали посыльного, и мне это совсем не нравится.

– Никогда не соглашался с мнением Лаврова о том, что ты сможешь помочь американцам, – сказал Юсуфов, снимая шинель и бросая ее на спинку стула. – Опыт работы с западниками в течение многих лет не изменил моих убеждений. Есть информация для службы внутренней безопасности?

– Для ФСБ ничего нового.

– Я до сих пор удивляюсь, что для этого задания выбрали именно тебя, – сказал Илья Васильевич. – Нет, не хочу сказать ничего плохого, мне просто любопытно, почему не кого-либо другого.

Они уставились друг на друга, а Христенко, зная, что эти люди никогда не испытывали взаимной симпатии, молча

наблюдал за ними. У Юсуфова возникли какие-то подозрения по отношению к жене Иванова Елене Александровне, и они давно не давали ему покоя. Если дело в этом, если подозрения оправдаются, если Алексей знает об этом, счастливая супружеская пара мгновенно превратится в шпионов и заговорщиков.

– Ваше любопытство всегда было оправданным, Илья Васильевич, – сказал Христенко, чтобы разрядить обстановку.

– Тем не менее я не получил обещанное Лавровым повышение по службе.

– Уверен, вы заставите его еще раз задуматься об этом, если вам удастся разоблачить очередной заговор.

– Именно этим я и намерен заняться. – Юсуфов не спускал глаз с Иванова.

– Может быть, что-нибудь придумаете, – вставил Иванов, – когда Лавров будет вечером встречаться с американским президентом.

– У меня возникала такая мысль, особенно после того как я узнал, что ты передал не тот диск.

– Только не упоминайте меня в связи с этим недоразумением, – быстро произнес Иванов.

– Ага, значит, все было запланировано? – с улыбкой спросил Юсуфов. – Может быть, у вас есть что сказать по этому поводу?

– Медлить не буду, если что-нибудь придет в голову.

Христенко чувствовал какую-то скрытую угрозу, но не

мог понять, с чем она связана. Он знал только, что нечто ужасное происходило между лидерами мировых держав, и у него было средство остановить это – он сказал Иванову правду.

Геннадий Игоревич успел просмотреть диск.

Глава 4

УДАР

День 3. 21.50

Дождь, заливавший московские улицы, вдруг прекратился словно по приказанию вышестоящей инстанции как раз в тот момент, когда борт номер один – сделанный на заказ «Боинг-747-200В», принадлежавший восемьдесят девятому авиаполку базы ВВС Эндрюс, остановился точно в указанном месте аэропорта Внуково, в который по традиции прибывали все президенты, и к нему мгновенно подъехали трапы. «Старлифтеры» приземлились за час до этого, и из них уже выгрузили пуленепробиваемые лимузины, фургоны, оружие и все необходимое для кортежа президента.

Самолетом президента управляли полковники ВВС США, экипаж состоял из двадцати шести человек, которые размещались в носовой части, на удалении примерно в двести футов от административного персонала, сопровождавшего главу государства, и еще дальше от личных апартаментов президента, который даже здесь мог насладиться уединением. На самолете было установлено девятнадцать теле-

визоров, восемьдесят пять телефонов, несколько устройств двухсторонней радиосвязи, факсы, компьютеры и великое множество других электронных приборов, для подключения которых потребовалось двести тридцать восемь миль проводов. Был предусмотрен пункт оказания медицинской помощи, в котором командовал личный врач президента. В его распоряжении был набор необходимых лекарств и даже складной операционный стол. Все на борту носили матерчатые тапочки, чтобы не испачкать ковер, закрывавший весь пол. Таковы были правила. Прессу, как обычно, разместили в изолированном носовом отсеке самолета.

Красная ковровая дорожка была расстелена от самолета до небольшой площадки. У трапа стоял посол США, почтенный Уильям Фармер, седовласый мужчина с аристократической внешностью, рядом с ним – его жена Дора, пожилая женщина плотного телосложения, и несколько сотрудников протокольной службы, в обязанности которых входило обеспечение визита. Дипломат и его жена были одеты в официальные костюмы от лучших модельеров. Лейтенант ВВС открыл люк самолета, и на трапе мгновенно появились сотрудники секретной службы, сразу же принявшие настороженно осматриваться.

Обычно секретная служба требовала гарантии зоны обзора в триста шестьдесят градусов. Группа, обеспечивающая безопасность, заключала охраняемое лицо в «движущийся футляр», перекрывая все возможные углы обстрела. Эта ме-

тодика основывалась на так называемой оценке угрозы, теоретическом уровне опасности, которой могло подвергаться охраняемое лицо, будь то президент, первая леди, вице-президент, члены их семей и так далее. Используя текущую разведывательную информацию и данные о предыдущих попытках нападений, секретная служба определяла необходимое количество охранников. Для обеспечения безопасности президента США обычно задействовались все имеющиеся в наличии силы.

Русский военный оркестр заиграл марш, придавая торжественность моменту, и президент Макферсон вышел на трап в сопровождении жены Флоренс и государственного секретаря Лоуренса Скотта Джонсона. Журналисты, немедленно включившие камеры, отметили, что президент, несмотря на долгий полет, выглядел отдохнувшим и элегантным. Он был в отутюженном костюме в тонкую полоску, белой сорочке с пуговицами на концах воротника и черных оксфордских туфлях.

Потом под звуки «Звездно-полосатого флага» президент, окруженный телохранителями, обошел строй американских офицеров и, наконец, подошел к микрофону.

– Этот визит станет началом новой эры в истории, наша встреча послужит на благо бедных и нуждающихся во всех частях света, – начал президент свою приветственную речь. Потом он немного поговорил о глобальной экономике, договоре о свободной торговле и ценностях, которые обещал

принести миру, и направился в сторону встречавшей его российской делегации.

Когда официальная церемония закончилась, он отвел в сторону посла Фармера и спросил нарочито спокойным голосом:

– Как дела?

– Все в порядке, господин президент. Прибыло уже порядка двадцати двух процентов официальных лиц, участвующих в приеме. Как запланировано, они примут участие в переговорах в Женеве на следующей неделе.

Президент ухмыльнулся.

– Мы зададим им жару, старина, – почти не шевеля губами, произнес он.

* * *

День 3. 22.05.

Елена, ни на минуту не забывая об осторожности, вошла в вестибюль станции метро, опустила жетон в прорезь турникета, спустилась по длинному эскалатору вниз, села на

первый же поезд, идущий в западном направлении, и через несколько минут оказалась на станции «Дзержинская». Здесь она пересела на поезд до станции «Комсомольская» и поднялась наверх.

Прижимая к себе сумку для покупок, она прошла по парку «Сокольники» на север. Несмотря на позднее время, небо было еще светлым, но в парке практически никого не было, за исключением некоторых любителей катания на коньках. Каток для отдыха горожан был специально устроен на замерзшем озере. Она быстро шла по парку, иногда останавливаясь и проверяя, нет ли за ней слежки. Хвоста не было. Елена вышла из парка, перешла по мосту через Язу, узкую речку, впадавшую в Москву-реку. Она прошла пару кварталов, снова остановилась и осмотрелась.

Потом Елена поймала такси, доехала до проспекта Достоевского и вышла у своего дома, квартирой в котором она владела задолго до замужества. Она прошла к входу в огромное здание, построенное в начале пятидесятих. В нем все было старым. Водопровод, тесный лифт, в каменной пещере парадного постоянно воняло сыростью.

Открыв дверь в квартиру, она сразу же увидела Алексея. Выронив сумку, Елена бросилась к нему в объятия.

– Любимый, ты давно меня ждешь?

– Чуть меньше часа. Хотел позвонить из Штатов, но мне запретили.

Она забыла закрыть дверь и сделала это сейчас, выглянув

в коридор. Постоянная настороженность, боязнь совершить ошибку, пусть даже незначительную, выворачивала их жизни наизнанку.

Она вдруг улыбнулась немного шаловливо и посмотрела ему прямо в глаза.

– Готова поспорить, ты забыл.

– Забыл? О чем забыл?

– Сегодня – твой день рождения.

Он словно остолбенел.

– О боже. Неужели?

– Официально он наступит часа через два, – она снова улыбнулась. – С сорок вторым днем рождения, любимый. Счастья тебе.

Она высвободилась из его объятий, посмотрела в глаза и крепко поцеловала в губы. Он ответил на поцелуй, ощущая тепло ее тела, излучаемую ею любовь. Они долго стояли обнявшись, потом неохотно разжали руки, а он все продолжал смотреть на ее прекрасное лицо.

– Я купила тебе подарок, – сказала Елена, наклонилась к валявшейся на полу сумке и достала из нее небольшую коробочку в подарочной упаковке.

– Надеюсь, тебе понравится.

Он взял подарок, разорвал позолоченную упаковку и на крышке футляра увидел выгравированное слово «БиппШ». Алексей поднял крышку, под тонким слоем бумаги лежала золотая газовая зажигалка. Он достал ее из футляра, открыл

миниатюрную крышечку, щелкнул и долго смотрел на красно-синий язычок пламени.

– Очень красивая, спасибо, – он нежно поцеловал ее в губы. – Жаль, нет времени отпраздновать. У тебя все в порядке?

– Да. А у тебя?

– Многое случилось. – Он рассказал ей о взрыве на севере Сибири, о доставке образца пластика в Белый дом, об обратном полете с диском, который оказался поддельным.

Ее взгляд стал испуганным.

– Что это значит? – спросила она не менее испуганным голосом.

– Не знаю. – Потом Алексей рассказал ей о том, что ему предстоит съездить в библиотеку имени Ленина за настоящим диском, и сказал, что узнает обо всем после встречи в клубе с Геннадием Игоревичем Христенко.

– Мне это совсем не нравится, – слова жены прозвучали как предупреждение.

– Мне тоже, но мы ничего не сможем предпринять, пока я не встречу с ним.

Елена старалась избегать потрясений в жизни, но это редко удавалось. Понятно было, что не удастся и на этот раз.

– Ты обязательно должен продолжать работу в Америке? У них есть собственные специалисты. Пусть сами решают свои проблемы.

– Уже слишком поздно, разве не так? Впервые в истории

мир вокруг разваливается на части, а людям ничего не сообщают, опасаясь паники. Никто ничего не знает. Компания не дает никакой информации в прессу, а в вечерних новостях людей пичкают какой-то ерундой. И все потому, что может нарушиться ситуация на рынке и экономика придет в упадок.

Она долго смотрела на него молча, пытаясь до конца осознать серьезность ситуации, потом устало опустилась на стул в прихожей. Елене с самого начала не нравилась внезапная командировка Алексея в Америку, сотрудничество СВР и ЦРУ, непонятно чем оправданная дружба России с Америкой. Она знала, что ЦРУ и ФБР помогали готовить подразделения «Альфа» для борьбы с чеченскими террористами, но сейчас все зашло слишком далеко, стало влиять на ее жизнь, ее семью. Муж почти никогда не бывал дома, и ей надоело это терпеть.

– Скажи мне правду, – попросила она, набравшись храбрости.

– В Америке слишком много тараканов. Они расползлись за многие годы по всем штатам, по всем округам. У спецслужб было достаточно времени для того, чтобы допросить мусульман, обнаружить потенциальных террористов и отпустить невиновных. Но это бесполезно, потому что все границы открыты и останутся открытыми. Тараканы будут приползать и уползать, когда им заблагорассудится, – он посмотрел ей прямо в глаза и добавил: – Тараканы будут всегда, как

бы эффективно против них ни действовали.

Его голос выражал тревогу, даже отвращение. Он прекрасно понимал, что борьба была безрезультатной, потому что действительно эффективные методы считались неконституционными, по крайней мере, все заявляли об этом. Но шла война, не так ли? Неужели нужен был взрыв в Нью-Йорке или Чикаго, чтобы Америка встряхнулась, перестала быть наивной? Да, именно наивной, он часто говорил себе об этом, но не имело смысла втягивать во все Елену.

– Ты знаешь то, чего не знают они? – спросила она.

– Нужно просто вспомнить историю. Сомали в девяносто третьем и девяносто четвертом, заговор «Аль-Каиды» на Филиппинах, первый взрыв Всемирного торгового центра в девяносто третьем, попытку покушения на президента Буша в девяносто пятом и отсутствие реакции на него, взрывы в Риаде в девяносто шестом, нападение на «Колу» в двухтысячном. Потом начались нарушения режима санкций иракцами, наконец, снятие этого режима, неспособность противодействовать нарушению прав человека в Курдистане. Следует только спросить себя, что сделала Америка для предотвращения агрессии? Многие скажут, что ничего, а Усама бен Ладен заявляет, что американцы не способны защитить себя, потому что боятся потерь, потому что морально слабы.

– И ты так думаешь?

– Посмотри на это с другой стороны, – быстро ответил Алексей. – Компания знала, что два подозреваемых в свя-

зях с «Аль-Каидой» человека, а именно Халид аль-Михдар и Навафф аль-Хазми, въехали в страну, но ничего не сообщила ФБР или АНБ. Агент ФБР посылает из своего офиса в Финиксе письмо в штаб-квартиру, начинающееся словами «Настоящим хочу сообщить коллегам из нью-йоркского бюро, что существует возможность координированных усилий Усамы бен Ладена, направленных на засылку в Соединенные Штаты людей для обучения в гражданских авиационных университетах и колледжах», – Алексей смотрел ей прямо в глаза. – Но ФБР никак не отреагировало на полученную информацию, не смогло понять, что террористы могут использовать гражданские самолеты, пока не наступило одиннадцатое сентября. Бюро, из-за собственной слепоты, не смогло увидеть то, что находилось у него под носом.

Он уже обсуждал это с Форсайтом и сейчас, с трудом сдерживая гнев, заговорил торопливо и сбивчиво:

– Они знают все больше с каждым месяцем, с каждым днем. Знают о слиянии «Аль-Каиды» и «Хезболлы». И невозможно все объяснить только войной между палестинцами и израильянами. Можно было раньше, но только не сейчас, когда разработана «Дорожная карта», которая имеет неплохие шансы обеспечить мир. Сейчас весь Ближний Восток выступает против Америки, и вторая война в Заливе здесь ни при чем, никто не говорит о том, что американских солдат убивают. Саудовская Аравия, Сирия, Египет – все мусульманские страны участвуют в этом и поступают

очень мудро, умиротворяют американцев, разрешая создать несколько авиабаз на своих территориях. И не следует забывать об Иране, самом худшем из врагов. Иран оплачивает устройство учебных лагерей террористов по всей Европе и Ближнему Востоку, они посылают туда своих инструкторов из Иранской революционной гвардии и Министерства разведки, как ЦРУ и ФБР посылают своих инструкторов для обучения союзников. Хочешь кофе?

– Нет.

Он прошел на кухню, чтобы сварить кофе себе.

– У них даже есть своя террористическая телевизионная станция с самым современным спутниковым оборудованием, – крикнул он оттуда Елене. – Она называется «Аль-Манар», или «Маяк», и ежедневно делает передачи о гибели американских солдат. Американцы знают только об «Аль-Джазире» и понятия не имеют о существовании «Аль-Манара». Американское правительство молчит, проскальзывают лишь небольшие статьи в прессе и короткие репортажи. Люди находятся в неведении, их больше беспокоят компьютерные игры.

Он вернулся с чашкой дымящегося черного кофе.

– Они используют Ливан и его центральный банк, а оттуда переводят деньги в банки по всему миру, даже в Америку. Соби Файад – одна из центральных фигур, обеспечивающих финансовые потоки, работает в том месте, которое хорошо известно Компании. Это так называемая «Тройная

граница», в которой пересекаются рубежи Парагвая, Бразилии и Аргентины. Для начала бюджет в несколько сотен миллионов долларов, плюс отмытые деньги от торговли наркотиками. И куда они направляются? В Техас и Северную Каролину, что тоже известно. Так что же им не известно? Хочешь узнать больше? Об этих тараканах я могу рассказывать часами. Здесь, на родине, мы отключаем отопление и выможиваем их. А Америка не желает даже изолировать от общества...

Она слушала его молча, а он, уставший от всего, пил кофе.

– Достаточно, – сказал он, наконец решив сменить тему разговора. Алексей рассказал жене о том, как ходил на спектакль Кировского театра в Линкольн-центр, как жалел, что ее не было рядом. – А теперь расскажи мне о себе. Я беспокоился о тебе и жутко скучал.

Ее охватил приступ ярости. Она даже не стала задумываться о том, чем он вызван, потому что в глубине души знала это и хотела, чтобы узнал и он.

– Я еще раз спрашиваю тебя, как долго это будет продолжаться?

Он, конечно, понимал, что она имела в виду.

– Я подам рапорт о переводе.

– Когда?

– Не знаю точно. Когда это будет оправдано.

– А что будет с нами?

– Нам придется немного подождать.

Ее гнев вырвался наружу.

– Хорошо, я говорила «мы». А теперь спрошу о себе. Что будет со мной? Что я должна делать, зная, что тебя в любой момент могут застрелить ради патриотических чувств к Родине? Ждать телефонного звонка от Христенко, который сообщит мне о том, что я стала вдовой? Ждать, когда тебя наградят посмертно, и потом хранить медаль на книжной полке?

– Ты знаешь, что в данный момент я ничего не могу предпринять.

– А как быть с моими желаниями? Как быть... – Она замолчала, почувствовав вину за то, что уже несколько раз едва не изменила ему. Елена пыталась заглушить мучительную страсть чтением книг или бумажной работой.

Он, конечно, понимал, что она имела в виду – после стольких лет супружеской жизни знал каждую частичку ее тела, ее души, знал, что она не могла обратиться даже к Богу, потому что не верила в него.

– Как долго ты пробудешь в Москве? – спросила она.

– Я должен вернуться в распоряжение Форсайта по приказу Ротштейна.

– Ты не работаешь в ЦРУ! – закричала она. – Ты – офицер СВР и должен находиться рядом со мной! – Она немного успокоилась, сказала уже нормальным голосом то, о чем боялась говорить раньше: – Я... я хочу ребенка, Алексей.

– Клянусь, у нас будет ребенок.

– Когда? Когда закончится все это безумие? Когда мы заживем нормальной жизнью?

– А когда ты прекратишь заниматься тем, чем занимаешься сейчас? – спросил он, зная, что она поймет, что именно он имеет в виду и явно не одобряет. – Другого выхода нет, ты знаешь.

Везде была стена, куда бы Елена ни повернулась, и рано или поздно она должна была разбиться об эту стену. Оба понимали это слишком хорошо.

– Не знаю, – раздраженно ответила она. – Они рассчитывают на меня. – Елена рассказала Алексею о том, как передала материалы в метро. – Рене спрашивает о тебе при каждой встрече.

Рене Гаспар Шометт был старым и верным другом, французским адвокатом и по совместительству агентом «Сюрте».

Алексей сделал еще глоток и поставил чашку на стол, его голос стал мрачным.

– Елена, то, чем ты занимаешься, считается изменой. За это тебя могут расстрелять, наплевав на мораторий!

– Франция – наш союзник!

Сначала ему показалось, что он неправильно понял ее. Жена говорила так, будто считала свои поступки оправданными и была убеждена в этом, но в это трудно было поверить. Все происходящее было лишено логики, и по каким-то непонятным причинам он не мог объяснить ей, хотя пытался много раз, что это не было игрой, что ее тщетные попыт-

ки установить равновесие в мире обречены на провал, что они не похожи на героическое участие ее деда в движении французского Сопротивления. У нее не было оправданных причин становиться шпионкой, совершать совершенно бессмысленные поступки. Почему такая умная женщина не могла понять, что ее отбросят в сторону, словно ее и не существовало? Тем не менее, она продолжала заниматься этим, а он – любить ее.

– Остерегайся Юсуфова. Особенно его. Он не доверяет даже собственной матери, не говоря уже о правительстве, крайне тщеславен, ему достаточно малейшего повода, чтобы уничтожить любого. Этот тип любой ценой добьется повышения по службе, даже если не найдет доказательств твоей вины.

– Я веду себя очень осторожно, любимый. Как всегда. Я волнуюсь о тебе, а не о себе. Я просто не могу понять, что будет с нами, как я смогу все выдержать, – она выпрямила ноги, но не свела колени вместе.

Он, конечно, заметил это. Не мог не заметить, потому что хотел ее так же страстно, как она его.

– Все образуется. Мы – умные люди и проживем долгую жизнь вместе.

Она продолжала сидеть с разведенными ногами, словно бросая ему вызов своим бесстыдством.

– Когда ты поедешь в библиотеку?

Он взглянул на часы.

– У меня есть чуть меньше двух часов.

Повисла неловкая пауза, они посмотрели друг на друга, понимая всю глубину чувств, необходимость близости, порыв. И не было необходимости все это скрывать. Да и зачем? Было ли это тоже игрой? Они были мужчиной и женщиной, которые страстно хотели друг друга. Вдруг весь мир исчез для них, остались только они двое, все остальное перестало существовать, не нуждалось в рациональном объяснении. Только он и она.

– Я так люблю тебя, Алексей, – сказала она чуть не плача. – Люблю всей душой, всем телом. Я... я хочу тебя...

Не нужно было дальнейших слов. Он взял ее за руки и помог встать. Объятия и поцелуи тоже были лишними. Он просто поднял ее на руки и отнес в спальню. На кровать они упали, крепко обнявшись, его язык проник ей в рот, а ее пальцы уже расстегивали ширинку, чтобы нащупать пенис. Они считали «пенис» дурацким словом, особенно она. Это был ее член, так она всегда говорила, с тех пор как они впервые занимались любовью. Впрочем, так они тоже не говорили. Так можно было говорить, по их мнению, в песнях и стихах. Трахаться – так они говорили. Это слово нравилось им честностью и прямоотой. Оно звучало сексуально и пошло. Она оттолкнула его от себя и взяла член в рот. Время словно остановилось, они очнулись, когда ему пора было уходить.

День 3. 23.30

Час назад в Москве снова начался дождь, сейчас он прекратился, и в лужах на мокром асфальте отражались яркие неоновые огни. Алексей, одетый в плащ, пересек на своей синей четырехдверной «Ладе» оживленную Арбатскую площадь, свернул по Воздвиженке на Моховую. У него рябило в глазах от красных, оранжевых, синих мигающих огней рекламы, в этом столица России ничем не отличалась от Гонконга или Парижа.

Как изменился его город, с тех пор как страна стала частью мирового сообщества. Алексей вспоминал прошлое, сравнивал его с шокирующим настоящим, поворачивая то вправо, то влево на оживленных перекрестках. Наступала ночь, и машин становилось все больше – москвичи спешили на поиски развлечений.

Плохое должно было перейти в нечто большее, чем просто плохое, Алексей чувствовал это желудком. Выражение лица Геннадия Игоревича, его голос, этот загадочный пластик,

подмена диска – все говорило о том, что начиналась новая игра. Алексей думал о том, в чем она могла заключаться, когда поднялся по небольшому склону и остановил машину на пустой площадке, рядом с темным зданием Всероссийской библиотеки имени В. И. Ленина, закрытой на ремонт. В воздухе густо пахло строительной пылью.

Нащупав фонарь, он вышел из машины, закрыл дверь и посмотрел на тусклые лампочки, освещавшие дорогу к библиотеке. Перешагивая через кучи мусора и какие-то кабели, он направился к боковому входу, у которого стоял охранник в форме, подозрительно наблюдавший за его приближением.

– Посторонним вход воспрещен, – не терпящим возражений тоном произнес он.

– Я здесь по делу, – сказал Иванов.

Он достал кожаный бумажник и предъявил удостоверение сотрудника СВР. Охранник направил на документ луч фонаря, сравнил лицо Иванова с фотографией и резко выпрямился.

– Чем могу помочь?

– Как пройти в отдел «Курск»? Знаю, что это на втором этаже.

Охранник указал на закрытую дверь недалеко от того места, где они стояли.

– Идите туда, – сказал он. – Только смотрите под ноги.

– Обязательно. Спасибо.

Иванов, обходя бетонные блоки и электрические кабели,

направился к двери. Он толкнул дверь изо всех сил, и она со скрипом распахнулась. Алексей включил фонарь, нашел лучом заваленную мусором лестницу и поднялся на второй этаж. Там он направил луч на стеллажи, закрытые толстой прозрачной пленкой, чтобы защитить бесценные тексты от мусора и пыли. Осторожно ступая, он прошел вдоль отдела «Курск», отыскивая взглядом полку, на которой стояли произведения авторов, фамилии которых начинались с буквы «Т».

Он внимательно рассматривал корешки, прижимая одной рукой прозрачную пленку к книгам, пока не нашел книги Льва Николаевича Толстого, и наконец, «Войну и мир». Иванов наклонился, поднял пленку и снял с полки толстый том. Он уже забыл, какой тяжелой была эта книга, и вдруг подумал о миллионах людей во всем мире, читавших на разных языках об Анне Павловне Шерер, князе Василии Курагине, графе Безухове. И о Наташе. Прекрасной Наташе, воспоминания о которой на минутку вернули Алексея в студенческие дни.

Нетрудно было заметить щель между страниц в том месте, где Христенко спрятал диск. Алексей достал его, затем вернул роман на полку и опустил прозрачную пленку. Христенко положил диск в прозрачном футляре в полиэтиленовый пакет с застежкой, который Алексей открыл, но сам диск трогать не стал. Он уже собирался убрать его во внутренний карман пиджака, когда его вдруг ослепил луч фонаря. Алек-

сей закрыл глаза ладонью и попытался достать пистолет.

– Не двигайся, – услышал он приказ на русском языке, произнесенный очень знакомым голосом, хотя Иванов и не мог понять, кому он принадлежал. – Думаю, ты предпочитаешь остаться живым, товарищ.

Алексей инстинктивно замер.

– Кто ты такой?

– Положи диск на пол, медленно.

Алексей выполнил приказ, чувствуя, что этот человек не шутит, понимая, что на него наставлен пистолет, хотя он и не мог его видеть.

– Подними руки и отойди на шаг назад.

Алексей повиновался, луч больше не слепил глаза, и зрачки постепенно привыкали к темноте.

– Не глупи и не пытайся достать оружие. Я знаю, что оно у тебя есть. Ты и сам не захочешь его использовать, если позволишь мне более подробно обрисовать ситуацию.

Дрожь пробежала по спине Алексея, желудок его сжался.

– Кто ты такой?

Человек, державший фонарь, расширил луч, чтобы он освещал большую площадь. Он положил фонарь на полку и отошел, чтобы они могли разглядеть друг друга. Алексей замер от шока, у него не было слов, чтобы описать то, что он увидел.

Себя!

– Боже мой, – пробормотал Алексей. Больше он ничего не

мог произнести, потому что никогда в жизни не видел ничего более невероятного, более нелепого. Он стоял, подняв руки, смотрел на свое лицо, свои волосы, свое тело и слышал, как он теперь понимал, свой собственный голос. Иванов смотрел на своего двойника и думал, что видит какой-то трюк, дурной сон. Но этого не могло быть, человек был настоящим, но не принадлежащим реальности. Впрочем, очень реальным был наведенный на него пистолет с глушителем.

– Меня зовут Алексей Владимирович Иванов, – произнес призрачный двойник голосом Алексея. – Алекс, если угодно. Я следовал за тобой из Вашингтона в Нью-Йорк, потом оказался здесь, как и было запланировано. Я понимаю, в каком состоянии ты находишься, но у меня нет времени, мне нужно, чтобы ты выслушал меня. Ты только совершенно случайно оказался нужным нам человеком. Все было запланировано с самого твоего рождения, расписано на все сорок два года жизни.

Алексей был слишком поражен, чтобы отреагировать, и Алекс продолжил:

– Я знаю твоих знакомых, твои взгляды, даже предпочтения в постели. Ты не будешь ни в чем нуждаться, пока будешь скрываться.

– Я ничего не понимаю. Пожалуйста, объясни хотя бы суть дела, прежде чем меня убить.

– Ты не умрешь, Алексей Владимирович Иванов.

Раздался тихий щелчок спущенного курка, и Алексей

мгновенно почувствовал нечто постороннее в своем теле. Он не был уверен, где именно, в груди или шее. Чем бы это ни было, действовало оно быстро, лишая его сил, сознания, разума. Алексей успел только понять, что теряет сознание, что никак не может повлиять на то, что происходит. Его двойник Алекс стал каким-то размытым, неясным. Собрав последние силы, Иванов прошептал резиновыми губами:

– Три часа ночи, клуб «Ночная жизнь»... Геннадий Христенко...

Алекс посмотрел на свалившегося на пол Алексея, быстро снял с его запястья часы и запомнил время. Четвертый день отсчета, ноль часов пять минут, до двенадцатого дня осталось восемь суток. Потом он быстро надел подмышечную кобуру с девятимиллиметровым «глоком-26», взял бумажник, удостоверение, водительские права, внутренний и заграничный паспорта, сотовый телефон и, конечно, диск. Открыв бумажник, он посветил фонарем, увидел приличную сумму в рублях и долларах и фотографию Елены. Да, ее звали Елена. Он все узнал о ней, когда на него пал выбор Старейшин.

* * *

День 4. 00.15

Алекс появился на свет ровно сорок два года назад, одновременно с Алексеем. Образцы ДНК – дезоксирибонуклеиновой кислоты – были отобраны у каждого новорожденного обоих полов в каждой стране мира, и двойные спирали для каждого ребенка были созданы далеко от Земли. Были подготовлены к псевдобеременности суррогатные матери, которым в кровь вводили гормоны, в частности человеческий эстроген, пока ДНК была заморожена в жидком азоте. Затем, в нужный момент, она вводилась в матку, в которой происходило развитие клона. В результате на планете была создана специальная колония существ, развивающихся по законам своего общества. Алекс знал, что был одним из тысячи, и каждый ребенок обучался языку, культуре, человеческим привычкам, традициям по фильмам и видеозаписям. Первичные выводы были подтверждены двадцать один год спустя, во Втором Отчете, непосредственно перед окончательным отбором, произведенным шесть месяцев назад.

Алекс был отобран в результате простого логического заключения. Алексей Владимирович Иванов соответствовал всем параметрам, в полной степени представлявшим Америку и Россию. Обе эти страны обладали термоядерным потенциалом, способным разрушить планету и заразить всю ее

поверхность на многие тысячи лет. Все живое, за исключением микробов, могло исчезнуть после нескольких миллиардов лет существования. Иванов социально и политически был связан с обеими державами. Алекс должен был определить причину, повернувшую планету на этот курс развития, после того как первая атомная бомба была взорвана в Хиросиме.

Критическое значение имело подтверждение или не подтверждение Второго Отчета. Предстояло определить, выбрало ли человечество двадцать один год назад путь, способный обеспечить выживание себя как вида, достойно ли оно быть принятым в Ассоциацию двадцати шести планет. Алекс должен был произвести такую оценку и принять решение. Три дня ушло на подготовку контакта с Алексеем. Ему доверили собрать эту информацию для Старейшин, его мысли должны были сохраниться в памяти для составления Третьего, возможно, Последнего Отчета. Судя по часам Алексея, у него оставалось восемь дней, два часа и четырнадцать минут до запуска двигателей – фактор времени он не мог контролировать.

Алекс быстро научился управлять простой «Ладой». Правда, у него тряслись руки, когда он летел по Новому Арбату в поисках клуба «Ночная жизнь», который должен был стать отправной точкой для вынесения решения. Алекс стал Алексеем Владимировичем Ивановым, и сейчас он чувствовал одновременно страх и возбуждение, глядя на людей, ко-

которые ходили по улицам, ехали на машинах или в автобусах по чудесному городу Москва, основанному еще в 1147 году.

Иванов назвал имя Геннадий. Оно послужит отправной точкой для Алекса, потому что он знал всю биографию Алексея. Находясь в капсуле, он использовал инфузор «Аура Детонатор» с тончайшим зондом, который был разработан в 9251 году Новейшей Эры его планеты. Инфузор перенес всю земную жизнь Алексея в тело Алекса и должен был позволить Алексею влиять, при необходимости, на его поступки. Алекс думал, что знал всю жизнь Алексея, детали его взаимоотношений с другими людьми. Он чувствовал тяжесть «глок-26» под плащом и ни на секунду не забывал о том, что ему было запрещено лишать человека жизни, даже если его собственная окажется в опасности. Он снова посмотрел на часы Алексея. Оставалось восемь дней, два часа и двенадцать минут. Иванов должен был понять важность его миссии, когда они проживут какое-то время вместе, как одно целое.

Никаких секретов от него не будет.

Алекс был удовлетворен жизнью среди себе подобных. Ему пришлось пройти курс обучения, необходимый для выполнения этого задания. Он принадлежал к закрытому обществу, в котором никогда не возникало разногласий, их просто не могло возникнуть по определению. Он вырос в семье, которая любила его, как потом любили двое детей и жена, тоже клон человека с измененными инстинктами и цен-

ностями, созданный сорок два года назад. Но он не мог позволить себе задуматься о ней даже на мгновение, все следовало отместить в сторону, чтобы слиться с этим миром, потому что без этого он не сможет определить степень угрозы собственной планете.

Только ради этого он оказался здесь.

Он был среди людей, с которыми ему предстояло слиться, чтобы думать и чувствовать как человек. Таким был план с самого начала, но сейчас, когда он смотрел на людей, гулявших по улицам, говоривших на русском языке, которым он владел в совершенстве, его обуревали странные чувства. Алекс услышал, как туристы разговаривали между собой на английском, когда остановился перед светофором. Он часто представлял, как будет себя вести на этой планете, но эти представления были далеки от реальности. Алекс был среди них, что случилось только дважды до него, и могло не случиться более никогда, если Старейшины примут такое решение.

Алекс прислушивался к шуму города и глазел на спешивших по своим делам людей. «Люди» – это слово, судя по их словарям, означало несколько человек. Он специально занимал мозг такими мыслями, чтобы успокоиться. Необходимо было расслабиться. Он не был здесь чужим. Сейчас он был одним из них, должен был выполнить свою миссию и подтвердить Второй Отчет, составленный двадцать один год назад.

Все уже началось.

Глава 5

ЛЮДИ

День 4. 00.30

Клуб «Ночная жизнь», расположенный на оживленной московской улице Петровке, был набит под завязку. Он размещался в обширном здании бывшего склада. Окна отсутствовали, поэтому гостям трудно было судить, что сейчас на дворе – день или ночь. Для состоятельных личностей в клубе имелось казино, где эти почтенные господа имели возможность оставить солидную часть средств, нажитых тем или иным способом.

Клуб охраняли плечистые молодые люди в одинаковых пиджаках с оттопыривающимися левыми подмышками. Впрочем, точно так же оттопыривалась подмышка и у самого Алекса, когда он входил в клуб с залитой дождем улицы. Создавалось впечатление, что место это ему давно и хорошо знакомо, но это лишь благодаря тому, что его незримо сопровождал Алексей.

В зале гремела оглушительная музыка – плод усилий группы из пяти человек, а умело расставленные динамики уси-

ливали ее до такой степени, что тряслись столы. Посетители сидели в отдельных кабинетах или просто за столиками. На женщинах были короткие платья в обтяжку, выгодно подчеркивающие все достоинства фигуры. Сверкали бриллианты, на столах искрилось шампанское. Благодаря живой современной музыке клуб становился все более и более популярным. Здесь пили, танцевали, из рук в руки переходили дозы наркотиков стоимостью в тысячи долларов и евро.

Один из танцующих, парень в пиджаке и футболке, оставил свою компанию и подошел к Алексу, стоящему у входа. Инстинкт подсказывал ему, что этот человек пришел сюда вовсе не в поисках развлечений.

– Чем могу помочь? – осведомился он.

– Я должен встретиться с Геннадием Христенко, – обводя взглядом зал, отозвался Алекс. – Он меня ждет.

– Как ваша фамилия?

– Иванов.

– Подождите здесь, – бросил парень и удалился.

Алекс, конечно, ожидал, что его будут проверять.

Сердце неистово колотилось, антенна в мозгу дрожала от переполняющей его энергии.

Он обратил внимание на то, что всем девушкам в клубе от восемнадцати до двадцати семи лет. Стараясь выглядеть привлекательнее, они явно злоупотребляли косметикой. Девушки раскачивались в танце, их длинные распущенные волосы колыхались. Партнерами в основном были мужчины,

как минимум раза в два постарше своих спутниц. Те из всех сил старались выглядеть как можно более сексуальными. Им было явно неизвестно, что еще несколько поколений назад просвещенные дамы старались доказать, что женщина есть нечто гораздо большее, и в знак протеста сжигали свои бюстгалтеры.

Но эти девушки воспринимали себя прежде всего в качестве сексуальных объектов, причем даже в большей степени, чем могли бы предположить их партнеры. У всех женщин имелось то, что больше всего влекло мужчин – вагина. Именно она была для них самым главным, а самый большой интерес для любой находящейся здесь женщины представлял мужской пенис, поскольку именно он давал им возможность получения сексуального наслаждения, да и многого другого тоже. Например, хорошей работы в будущем, поскольку женщина всегда считалась вещью в себе, единственной целью которой было привлечь как можно больше пенисов, чтобы максимально повысить шансы на выгодное замужество.

Алекс внимательно разглядывал мужчин. Танцующие пары крепко прижимались друг к другу промежностями. Мужчины старались таким образом привлечь внимание подруг к самому ценному из того, что у них есть, будто призывая попробовать это на вкус. Впрочем, на теле имелись и другие местечки, отлично подходящие для орального секса, которые можно было активно использовать и в танце. Основным инструментом для этого являлся напояженный рот. Пома-

да всегда служила приманкой для мужчин. А после того как основная жизненная функция женщины – деторождение – будет исполнена, она станет компенсировать быстро увядающую физическую привлекательность. Но девушки, заполняющие клуб, находились в самом цветущем возрасте, поэтому макияж был для них просто жизненно важен.

Их глаза – еще одно средство проявления сексуальности – завлекали мужчин тушью, тенями, накладными ресницами и уголками глаз, подведенными карандашом. Уши девушек были украшены модными серьгами все с той же целью – привлечь мужской пенис, только в данном случае с помощью сверкающих бриллиантов в золотой или серебряной оправе, тяжело оттягивающих мочки ушей.

В результате своих наблюдений Алекс пришел к выводу, что каждая из девушек являлась своего рода подарочным набором в красивой упаковке. Здешние мужчины давно оценили каждую по десятибалльной шкале, причем исключительно в зависимости от потенциальных достоинств их вагин, впрочем, всегда тщательно прикрытых от нескромных глаз, поскольку их обладательницы инстинктивно охотились за самым лучшим из предлагаемого. Контакт обычно бывал практически мгновенным и происходил исключительно на подсознательном уровне. Кандидат должен был доказать, что способен обеспечить своей избраннице соответствующий образ жизни невзирая на ее образование и профессию. Словом, мужчинам предстояло пройти скрупулез-

ную проверку, и они отлично знали, что к ним внимательно приглядываются.

То, что предлагали женщины, было настоящим искушением для мужчин, в первую очередь для их пенисов. И прежде всего привлекательным должно было быть лицо. Кроме того, исключительно важную роль играла длина волос – она напрямую указывала на то, насколько девочка заинтересована в обретении мужчины. Впоследствии, по мере ослабления интереса к мужскому полу волосы становились все короче и короче. Согласно Второму Отчету, лучшим примером тому могли служить тележурналистки.

Предлагаемый набор прелестей, помимо тщательно укрытой вагины, также включал фигуру со всеми ее достоинствами и недостатками. Привередливые пенисы крайне редко клевали на обладательниц пышных форм. Следующим по важности был размер бюста, а поскольку операции по увеличению объема груди мало-помалу превращались в настоящую индустрию, от того, что девушка могла выставить на показ, сильно зависели ее шансы на успех.

Алекс очень хорошо знал, что женщины и их вагины обладают нешуточной властью. Именно благодаря этой власти в один прекрасный день женщинам предстоит править миром. Впрочем, с точки зрения законов природы и человеческих инстинктов, это было вполне естественно, поскольку женщины куда разумнее мужчин. Слабость мужчин заключалась в их ненасытном эго, которое требовало постоянной

дозаправки, постоянного самоутверждения, которое только вагины могли им предоставить.

Женщины всегда пользовались этой властью. Мужские слабости заставляли самцов сражаться за лучшую из представленных вагин, причем дело могло запросто дойти до смертоубийства. В прежние времена их единоборство выливалось в форму дуэлей. Женщинам оставалось радоваться лишь одному – что мужчинам так до сих пор и не пришло в голову объединиться и распоряжаться женщинами на равных правах.

Алекс сразу понял, насколько правы мужчины-мусульмане, которые всегда держали своих женщин максимально закрытыми, тем самым лишая их власти. Размышляя над всем этим, Алекс рассеянно следил, как покачиваются в танце пары и в такт их телодвижениям вагины трутся о пенисы. Ему потребуется еще несколько дней, чтобы в полной мере оценить, насколько женская половина человечества продвинулась вперед за прошедший двадцать один год.

Второй Отчет подтверждается.

Музыка смолкла, танцующие остановились и зааплодировали, но разноцветные зелено-красно-пурпурные лучи цветомузыкальных прожекторов продолжали обшаривать зал, высвечивая даже самые потаенные его уголки. В наступившей тишине стали слышны обрывки разговоров и веселый смех. Явно настало время освежиться шампанским или пивом, ставшим в последние годы самым популярным напитком.

ком среди молодых людей и девушек, которые зачастую пили его прямо на улице.

Надо расслабиться, напомнил себе Алекс, надо чувствовать себя комфортно.

И тут вернулся охранник.

– Пожалуйста, следуйте за мной.

Он повел Алекса мимо столиков в дальний конец зала, где было не так многолюдно. Похоже, владельцы заведения обсуждали в этом уголке грядущие сделки с важными деловыми партнерами, на пальцах которых сверкали перстни с крупными бриллиантами, а на запястьях красовались дорогие «Ролексы» и «Патек-Филиппы». Здесь, в стороне от толпы, было значительно тише.

Охранник подвел Алекса к столику, стоящему на небольшом возвышении, за которым сидел Христенко, внимательно разглядывающий его. Впрочем, ум Геннадия Игоревича явно был занят сейчас чисто деловыми вопросами.

Здесь Христенко был уже не генералом, а чистым бизнесменом. За столиком он сидел один, а когда Алексей приблизился, молча дождался, пока уйдет охранник.

– Присаживайся, милости прошу, – сказал Геннадий Игоревич, указывая на соседний стул. Затем он повернулся к стоящему неподалеку официанту, обслуживающему его и только его одного.

– Водки для моего друга, – бросил он.

Официант кивнул и мгновенно исчез. Алекс уселся на

предложенный стул, не переставая разглядывать зал.

Заметив это, Христенко улыбнулся.

– Можно подумать, что ты здесь в первый раз.

Алекс улыбнулся:

– В принципе, вы правы, но здесь все всегда кажется каким-то новым. Как в первый раз.

Христенко не смог удержаться от смеха, потом полез в карман за пачкой «Кэмела».

– Да, пожалуй, это верно. Сейчас у нас в России как будто все в первый раз – лучше стали казино, упрочились связи с колумбийскими картелями. То есть человек либо в деле, либо нет.

Христенко прикурил, глубоко затянулся и вдруг зашелся в приступе мучительного кашля. Он вытащил из кармана платок и отхаркнул в него смесь мокроты и крови.

– Прощу прощения, – извинился он, – но сибирский климат мне тоже не пошел на пользу.

Он явно был серьезно болен.

– Что с вами?

– Лучше не спрашивай, – ответил тот и залпом осушил бокал шампанского. После этого снова заговорил, но теперь в его голосе чувствовалась напряженность: – Диск ведь у тебя. Давай...

Алекс толкнул к нему по гладкой поверхности стола небольшую прозрачную коробочку. Христенко поймал ее и, открыв, тут же принялся внимательно изучать то, что нахо-

дилось внутри. Алекс тем временем разглядывал своего собеседника, которого сегодня видел впервые в жизни, и внимательно следил за всеми его движениями. Вдруг Христенко покажется, что дело нечисто, и на лбу его запульсирует предательская жилка, или он промолчит тогда, когда следовало бы рассмеяться.

В этот момент вновь появился официант и поставил перед Алексом открытую бутылку «Столичной» и стопку. Христенко потянулся, взял бутылку и налил стопку до краев. После этого Геннадий Игоревич поднял бокал. К этому времени официант уже успел вновь наполнить его шампанским. Алекс проследил за тем, как его пожилой визави одним глотком осушает бокал, затем поднес стопку к губам и опустошил ее. Его обожгло так, как не обжигало еще никогда в жизни. Дыхание перехватило, ему показалось, будто он вот-вот задохнется. «По мне этого не должно быть заметно», – напомнил он себе.

В это время к их столику подошел какой-то человек – по ухваткам, похоже, из руководства клуба – извинился и протянул Христенко какой-то документ, требующий его подписи.

– Сколько килограммов? – спросил Христенко.

– Триста.

– Смотри, проверь лично.

– Ну, разумеется.

Христенко поставил подпись.

– Ну, вот и порядок.

Его подчиненный тут же безмолвно удалился, а Христенко откинулся на спинку стула и бросил на Алекса пристальный взгляд. В этот момент снова зазвучала музыка – на смену первой пришла вторая рок-группа. Это вызвало одобрителные возгласы присутствующих, которым не терпелось вновь начать танцевать. Но двое за столиком были достаточно далеко от царящего в зале безумия. От него их отделяло метров сто, так что имелась возможность спокойно поговорить.

– Вот, казалось бы, я – плоть от плоти своей Родины, служению которой отдал всю жизнь, – наконец заговорил Геннадий Игоревич, одновременно начальник Первого главного управления СВР и отчасти мафиози, которому приходилось вести рискованную игру, чтобы в конце жизненного пути не гнить на служебной даче. – Надеюсь, ты понимаешь, что моя любовь к Родине по-прежнему на первом месте, – он задумчиво обвел взглядом клуб. – Взять хотя бы это заведение – я владею им, хотя лишь на восемьдесят процентов. Все это безобразие продлится еще лет эдак пятьдесят – пока демократия реально не встанет на ноги. Но к тому времени на свете уже не будет меня, старого вояки, да и тебя тоже. Единственная разница в том, что у тебя есть свои принципы, а в наше время на рынке этот товар крайне редкий. Именно поэтому я и остановился на твоей кандидатуре, учитывая то, что должно случиться.

– Должно случиться?...

Генерал в очередной раз затянулся «Кэмелом» и наклонился ближе к Алексу.

– На этом диске содержится часть базы данных «Глоба-Линк». Речь идет о полном слиянии всех мировых корпораций в единое целое. Все компании мира в один прекрасный день вдруг накроют планету одним большим зонтом. На диске содержатся материалы тайных переговоров глав мировых правительств и руководителей крупнейших корпораций, имевших место в Белом доме четыре месяца назад, когда президент Лавров находился с визитом в Штатах. На этом совещании обсуждались проблемы производства пластика, который тайком выпускается одной из архангельских фабрик. Химическая формула этого вещества является строжайшей тайной. И формула, и сама фабрика принадлежат филиалу одной из крупнейших электронных корпораций – «Макроникс» со штаб-квартирой в Лос-Анджелесе, а именно в местечке под названием Калвер-сити. Так вот, этот пластик и «Глоба-Линк» являются основными предметами обсуждения. На первый взгляд они никак не связаны, но тем не менее таинственным образом являются ключевыми элементами слияния.

Христенко, явно ожидая какой-то реакции от Алекса, смолк. Но тот по-прежнему молчал, пристально глядя на собеседника. Просто сейчас он услышал такое, чего до сих пор ему слышать не доводилось. Христенко вытащил из внутрен-

него кармана пиджака ручку.

– Нечто вроде этого.

Он очень аккуратно, разборчиво – так, чтобы ошибки быть не могло – изобразил заглавную букву «Г». Остальные буквы были строчными, потом шел дефис, а после него снова заглавная буква «Л», за которой опять следовало несколько строчных. – «Глоба-Линк», – вслух произнес он, показывая надпись Алексу. – Корпорация, название которой по всему миру осмеливаются произносить только шепотом.

После этого он под внимательным взглядом Алексея поджег листок, щелкнув своей дорогой зажигалкой «Зиппо», и положил его в пепельницу.

– Кстати, российское представительство «Макроникс» находится в Петербурге, а не в Москве, – продолжал Христенко. – Нужно выяснить, для чего нужен пластик, который производят в Архангельске. Как я уже говорил, этот диск является нелегальной копией, поэтому все совершенно неофициально. Но завтра в двенадцать ноль-ноль на приеме в честь открывающегося в Женеве совещания по проблемам СОИ вице-премьер Кудрин должен вручить мне подлинный диск.

Не дожидаясь реакции собеседника, Христенко продолжал:

– Да-да, Александр Леонидович ухитрился через свою агентуру достать подлинный диск. Понимаю, что для тебя это полная неожиданность, но по-другому я рассказать тебе об этом не мог. Американский президент Макферсон, да и

наш собственный предпочли дожидаться результатов испытаний свойств пластика и только потом передать копии диска руководителям других стран. Теперь дело только за тем, чтобы правительства всех стран мира, а их по последним подсчетам сто пятьдесят два, стали участниками проекта и приняли участие в его начальных стадиях. Это чистая уловка, чтобы под прикрытием СОИ установить новый мировой экономический порядок. И вице-премьер Кудрин очень боится остаться на обочине, как, впрочем, и девяносто шесть процентов из нас.

Алекс постарался скрыть удивление. У него не было ни малейшего опыта в подобных делах, и не хотелось, чтобы по его поведению это стало ясно.

– Геннадий Игоревич, но ведь у вас скоро появится легальная копия. Так почему бы не воспользоваться ею?

– Это если мы ее получим. Именно потому я тебе все и рассказываю. Но, посуди сам, какова будет степень доверия ко мне, после того как выяснится, чем я теперь занимаюсь, – генерал обвел рукой огромный зал. – У меня не будет ни малейшего шанса сохранить зарубежные счета, если придется доказывать свою правоту из тюремной камеры. Ты должен проследить за тем, чтобы Елена оставила кудринскую копию в тайнике в метро. Возможно, где-нибудь неподалеку от американского посольства. В любом случае, на данном этапе ничего определенного сказать нельзя. Как бы то ни было, она займется всеми необходимыми приготовлениями.

– А где она его получит?

– На завтрашнем приеме Кудрин вручит диск мне, а я передам его ей. Через неделю в Женеве под видом международной встречи по проблемам СОИ состоится голосование по вопросу слияния, и если решение будет принято единогласно, то через девять дней их план начнет воплощаться в жизнь. Мы просто не можем оставаться в стороне и смотреть на то, как мир превращают в сверхмонополию, контролируруемую крупными корпорациями, в которой компании одних стран сольются с компаниями других. Следовательно, возникнет куча противоречий в области международного права, банковского законодательства и во многих других областях.

Христенко снова наклонился к Алексу:

– Алексей, ты должен остановить «Глоба-Линк». Кстати говоря, полное название ее «Глобал Инкорпорейтед», или «Глобал Инк.». Ее богатые акционеры, члены советов директоров крупнейших компаний и политические лидеры, намерены проворачивать свои дела в условиях единой мировой экономики – именно того, о чем много лет молили развитые страны, якобы во благо беднейших.

– А вам все это точно известно?

– Один из моих людей присутствовал на встрече в Вашингтоне, представляя холдинговую компанию, владеющую частью акций этого заведения. Он просто невероятно богат за счет кокаиновых плантаций в Пакистане, кроме того, владеет несколькими крупными зарубежными банками. Он кое-

чем мне обязан – в частности, именно я дал ему возможность так раскрутиться. Видишь ли, Алексей, я – стреляный воробей, и на мякине меня не проведешь. Когда на Родине в один прекрасный день снова воцарятся закон и порядок, я тут же покончу со своим нелегальным бизнесом, уйду на покой и буду спокойно проживать то, что успел накопить.

Христенко затушил окурок в пепельнице. В это время снова зазвучала музыка, о которой они уже практически забыли. До их ушей донесся веселый смех. Генерал потянулся к бутылке, поднял ее и наполнил стопку до краев. После всего услышанного Алекс постепенно начал приходить в себя.

– В общем, Алексей, у нас в распоряжении всего-навсего восемь дней. Как и в случае голосования присяжных по делу об убийстве, достаточно всего одного голоса против, чтобы смертный приговор не был вынесен. Если, конечно, им каким-то образом не удастся переубедить человека, проголосовавшего так. А человеком этим будешь ты.

– Я?

– Я по своим каналам уже подбросил информацию о тебе трем самым богатым людям в мире: Андре Робеспьерру, главе банка «Евро-Свисс», Владимиру Юрьевичу Румянцеву, сопредседателю компании «Спейс-Диск», крупнейшего в России разработчика и производителя спутниковых телекоммуникаций, а также Раймонду Брукманну, председателю совета директоров фирмы «Макроникс».

Христенко вытащил из-под стола атташе-кейс, открыл его

и достал желтый конверт небольшого размера.

– Здесь, – продолжал он, – краткие досье на каждого из этих троих, являющихся ключевыми фигурами. Поскольку за последнее время произошло столько всего невероятно-го, тебе следует поторопиться. Мы с тобой оба знаем, что формула пластика оказалась верной. Ты, Алексей, один из немногих людей, которым я доверяю. Я распустил слух о том, что ты не принимаешь идею «Глоба-Линк» и в Женеве намерен голосовать против. Я подготовил документы, в которых указано, что ты являешься директором банка, владеющего этим клубом. Ты теперь Михаил Михайлович Филиппов, бизнесмен с внушительным опытом работы в крупнейших банках. Кроме того, ты якобы еще являешься и специалистом по международному праву, а это должно произвести на них впечатление. Для солидности я открыл на твое имя в банке «Джинив Свисс» счет на пять миллионов американских долларов. Думаю, эта сумма вполне позволит вам с Еленой без забот прожить остаток жизни. Все это я сделал без твоего согласия, поэтому если ты не согласишься, то все можно отыграть назад. Но, разумеется, слухи о том, что ты, то есть Филиппов, намерен голосовать против и тем самым сорвать принятие решения, могут привести их на мысль о твоём устранении. Да ты пей, не стесняйся.

Алекс поднес стопку к губам и залпом выпил содержимое. Ну просто жидкое пламя!

– Ты, Алексей, самый лучший. Именно поэтому Лавров

и выбрал тебя для связи с ЦРУ. Дайте мировым средствам массовой информации доказательства существования заговора, чтобы он стал достоянием гласности. Для журналистов это будет крупнейшей сенсацией в жизни – не то что все эти мелкие войнушки, которые постоянно вспыхивают и затихают. Именно СМИ являются единственным шансом простых людей. Американцы и наше правительство, как, впрочем, и главы всех прочих государств, не доверяют своим разведкам, поскольку там служат такие же обычные люди, как мы с тобой. Это относится и к МИ-6, и к «Сюрте», и к «Моссаду» – словом, практически ко всем. Именно поэтому президент Макферсон и дал тебе эту фальшивку – хотел проверить, как обстоит дело с безопасностью. А без доказательств, Алексей, у простых людей вообще не останется надежды.

Алекс крепче сжал желтый конверт.

– Никому не следует доверять, друг мой, – заметил Христенко. – В особенности Юсуфову, который поддерживает Лаврова. Кого же опасается «Глоба-Линк»? Просто террористов или организации, пустившей щупальца по всему свету и в любой момент готовой начать революцию?

Алекс немного подумал, затем сказал:

– Вероятнее всего, последнего.

– Именно. – Христенко передал Алексу толстый пояс для денег, который он также держал под столом. – Здесь наличные, двести тысяч долларов. Они потребуются тебе на текущие расходы. – Алекс расстегнул пояс и уставился на пачки

американских долларов в сотенных купюрах. – Постарайся не появляться в своей московской квартире. Я забронировал тебе номер в отеле «Метрополь», а также в «Невском Паласе» в Санкт-Петербурге. Номера сняты на твое новое имя и наверняка потребуются при поездках в Архангельск и обратно.

Затем Христенко вручил Алексу заграничный и внутренний паспорта с уже вклеенными фотографиями и новым именем. Алекс внимательно просмотрел документы и благодаря опыту Алексея понял, что они настоящие.

– Все остальное предстоит организовать уже тебе самому, – продолжал Христенко. – Если они клюнут, то обязательно постараются вступить с тобой в контакт. Возможно, через своих шестерок. Это может быть очень опасно. Если все пройдет успешно, то тебе придется исчезнуть, поскольку вы с Еленой тут же станете мишенями для самых разных разведок. И здесь, и в Америке – короче, повсюду. Причем покушение может состояться, когда вы меньше всего будете этого ожидать.

Алекс по-прежнему лишь молча смотрел на Христенко. А что ему еще оставалось делать?

* * *

День 4. 2.00

Снова начал моросить дождь, а движение на Петровке было все таким же плотным. Алекс сидел за рулем Алексеевой «Лады», он так еще и не пришел окончательно в себя после того, что услышал о будущей судьбе обычного трудового люда. Вся власть окажется в руках элиты, составляющей четыре процента населения этой планеты. Только тот, кто родился в узком кругу руководителей «Глоба-Линк» – единого всемирного суперкартеля, – будет иметь шансы на обеспеченную жизнь, в то время как большая часть человечества окажется в низшей касте.

А может быть, это чувство вины? Алексей Иванов был призван помочь потушить этот пожар, и Алекс был уверен, что он так именно и сделал бы или, по крайней мере, попытался бы это сделать. Алекс был послан сюда не для того, чтобы изменить это общество, а просто для подтверждения Второго Отчета. А теперь он ухитрился угодить в самую гущу заговора сильных мира сего, имеющего целью еще большее угнетение слабых и бедных. Честная игра в этом мире популярностью явно не пользовалась, что было ему ясно с самого начала. Впрочем, это его совершенно не касалось. Или, может быть, касалось, поскольку он не давал Алексею Иванову возможности помочь, а сам Алекс до сих пор так и

не мог принять для себя определенного решения.

Сейчас, вспоминая происшедшее, он понимал, что угодил в паутину всемирного заговора, а такое вовсе не предусматривалось заранее, поскольку он находился здесь исключительно для того, чтобы наблюдать и подтверждать или опровергать выводы своих предшественников. К этому он был вполне готов, но возникла опасная проблема использования Алексея Иванова, и теперь Алекс был обязан помочь ему. К этому его подталкивали собственные моральные принципы, да и Старейшины наверняка одобрили бы такое решение.

Какая судьба ждет его, если он примет предложение Христенко и вяжется во всю эту историю, Алекса не так уж беспокоило, поскольку он понимал, что личное участие во всей этой истории позволит ему куда лучше понять те вещи, о которых раньше приходилось только догадываться. Ведь в первую очередь придется научиться сохранять себя в мире, где выживание было, пожалуй, самой главной наукой, с которой ему до сих пор сталкиваться никогда не приходилось. Алекс знал, что обязан Иванову хотя бы за это, особенно с тех пор, как сознание Алексея очутилось внутри сознания Алекса, и землянин отлично знал, что именно делает гость в каждый отдельный момент.

Машинально наблюдая за светом фар проносящихся мимо автомобилей, он сознавал, что ни в коем случае не сможет поступить с Алексеем Ивановым непорядочно, поскольку сам и являлся Алексеем Ивановым, Христенко был его

наставником, а Елена – женой. Поэтому у Алекса просто не оставалось иного выбора, как придерживаться собственных моральных правил. Он регистрируется в отеле «Метрополь» в Охотном ряду как Михаил Михайлович Филиппов и сделает то, о чем просил его Христенко. Алекс изыщет для себя возможность попасть на фабрику «Макроникс» в Архангельске и постарается выяснить все, что только можно, об этом так называемом пластике. Задание достаточно несложное, а выполнив его, он сольет информацию о «Глоба-Линк» в средства массовой информации, одновременно продолжая заниматься собственным делом, поскольку часы все тикали и тикали.

Все фильмы об этой цивилизации, снятые во время составления Первого и Второго Отчетов, которые он успел пересмотреть, не могли заменить даже часа, реально проведенного здесь. Именно так и было написано в Отчетах, но ведь его готовили как раз для этого. Христенко сказал ему, что отель находится неподалеку от Красной площади, и Алекс вдруг осознал, что направляется именно в ту сторону. Значит, он все для себя окончательно решил.

Он добрался до Театральной площади и пытался сообразить, где площадь Революции. Там ему предстояло свернуть направо. Алекс пытался прочитать надписи на указателях, но бьющий в глаза свет фар встречных машин не давал такой возможности. В этот момент кто-то из машины позади него дал автоматную очередь, и заднее стекло разлетелось вдре-

безги. Алекс был потрясен и едва не потерял управление. Через дыру, отороченную осколками стекла, в салон мгновенно проникла вечерняя сырость. Алекс резко обернулся, пытаясь разглядеть, кто на него покушался. В идущей позади него машине сидели двое, но из-за бликов неоновых реклам, играющих на ветровом стекле, лиц он как следует рассмотреть не мог.

Прогремела еще одна очередь, только на сей раз пули вгрызлись в бок «Лады», поскольку Алекс как раз свернул за угол, чтобы уйти от убийц, и прибавил скорость. Но преследователи не отставали, буквально повиснув у него на хвосте. Человек, сидящий рядом с водителем, как раз выставил из окна автомат и теперь снова целился. Алекс резко свернул налево, в какую-то длинную аллею, и стремглав промчался через нее. Преследователей это несколько задержало, поскольку его маневр явился для них полной неожиданностью. Но когда Алекс выскочил на какую-то другую широкую улицу, машина преследователей была тут как тут. Алекс резко обошел автобус, сделал правый поворот и до отказа выжал педаль газа. Его тут же прижало к спинке кресла. Теперь он неся по какой-то оживленной улице, не имея ни малейшего представления о том, где находится и куда направляется.

Впереди показалась боковая улочка, и Алекс резко бросил машину направо и промчался по темному проезду, где было припарковано лишь несколько машин. Он быстро остановил машину там, где было потемнее, и выключил зажигание.

Похоже, от погони удалось оторваться, поскольку преследующая его машина вскоре пронеслась мимо и затормозила на следующем углу. Убийцы явно пытались понять, куда же делась «Лада». Их машина неподвижно замерла на углу, затем развернулась и двинулась назад, только теперь очень медленно, поскольку сидящие в ней люди внимательно разглядывали темные припаркованные машины, одной из которых и была «Лада».

Понимая, что они обязательно заметят его машину и узнают ее по разбитому стеклу, он резко врубил двигатель и бросил «Ладу» в направлении, противоположном тому, в котором двигались незнакомцы. Те в это время как раз добрались до конца улицы и тут заметили отчаянный рывок Алекса. Они тут же резко развернулись и на всех парах помчались за «Ладой», которая неслась по направлению к Красной площади. Оказавшись на открытом месте на улице Варварка, машина преследователей снова нагнала его, но выстрелов больше не было.

Алекс свернул на Москворецкую улицу и направился к Большому Москворецкому мосту. Обе машины теперь буквально летели, обгоняя транспорт, медленно въезжающий на мост. Преследователи поравнялись с машиной Алекса, и в окне снова появился автомат. Алекс неожиданно бросил машину влево и врезался в машину преследователей. Из-за высокой скорости столкновение сделало свое дело, и водитель не справился с управлением. Машина перескочила через по-

ребрик, с грохотом врезалась в ограждение моста, проломила его и рухнула в воду. Поднялся огромный фонтан воды, и проплывающие мимо прогулочные суденышки пронзительно загудели.

Машины позади Алекса остановились, но сам он продолжал мчаться вперед и отчаянно пытался найти улицу, в которую можно будет свернуть после моста. Подходящих узких неосвещенных улочек оказалось более чем достаточно. Он свернул в одну из них, припарковал машину в самом темном месте и постарался успокоиться, вспоминая предупреждение Христенко о вполне вероятном неожиданном покушении.

То есть враг был уже в курсе.

Алекс откинулся на спинку кресла и на мгновение прикрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями.

Он понимал, что в него стреляли, пытались убить, но воспринимал это как-то отстраненно. Кто-то желал смерти Михаилу Михайловичу Филиппову, а ведь теперь это он и был. Дыхание мало-помалу приходило в норму, и тут Алекс заметил человека, спокойно прикуривающего сигарету на заднем сиденье черной машины, стоящей совсем рядом. Он не сводил глаз с «Лады» Алекса.

Юсеф не знал, день сейчас или ночь, не представлял, сколько времени он провел в этом месте, связанный по рукам и по ногам, и понять не мог, где именно находится. После того как ему сделали инъекцию, он вообще ничего не помнил. Может, он по-прежнему пребывал на кухне старой мексиканки, а может, его перебросили на другой край света. Ни окон, ни смены дня и ночи. Время как будто остановилось. Правда, одежда на нем была та же самая, хоть это-то он понимал. Юсеф чувствовал, что лежит на столе, может быть, даже на кровати, но в таком случае эта кровать была не слишком-то мягкой. Может, это какая-то больница? Он вообще ничего не чувствовал с того дня, когда эти люди вломились в квартиру в Бруклине. Черт, да ведь он был самым обычным парнем, пытающимся добиться успеха, может, войти в историю или что-нибудь вроде этого. Но сейчас он ни в чем уже не мог быть уверен, поскольку ни хрена не чувствовал.

Еще никогда в жизни он не был настолько расслаблен. Похоже, та дрянь, которую они ему вкололи, будет лучше всякого крэка – настолько ему было легко и спокойно. Словом, так хорошо он еще никогда себя не чувствовал. Вся беда была в этих снах – по крайней мере, он считал это снами. Сейчас ни в чем нельзя было быть уверенным. Черт, ведь не та-

кие же они идиоты, чтобы решить, будто бомбу он делал в одиночку. Просто ему принесли несколько частей, которые нужно было собрать, а потом, когда он закончил, забрали готовую работу и передали ее куда-то дальше для дальнейшей доводки. Ведь он ни хрена не понимает во всех этих штуках, которыми так и пестрит Интернет, – вроде разных там химикатов, радиоактивности и всего такого прочего. Разбираться в подобных вещах было делом ученых мулл. А он был просто крошечным звеном в длинной цепи. Так неужели они этого не понимают? Или, может, они просто боятся, что он знает куда больше, считают, что именно он самый главный в этом деле?

Юсеф в очередной раз с трудом ухитрился разлепить глаза, отвлекаясь от своих мыслей. Над головой по-прежнему горела все та же лампочка, скупо освещая то, что, по его представлениям, было крошечной камеркой, затерявшейся в самом центре какого-то несуществующего лабиринта. Юсеф помнил, как просил адвоката, но никак не мог вспомнить, что же ему на это ответили. Этих ребят звали Мори и Шеп.

Мори по всем статьям был настоящим придурком, до конца преданным службе. Да уж... Для этого некрасивого еврейского парня с большим крючковатым носом не существовало ничего, кроме «Бога-и-Родины». В общем, этот Мори старался все делать по правилам, а может, это сказал ему Шеп – сейчас точно не вспомнить. Они перешучивались о том, что у Мори есть подружка в Скарсдейле, а параллельно задавали

Юсефу вопросы насчет того, кто передал ему блоки питания и тритий. Только вот шиш они чего из него вытянут. Пускай хоть всего исколют. Плевать. Рано или поздно им все равно придется предоставить ему адвоката, поскольку он, как и всякий американский гражданин, обладал таким правом. Да, пожалуй, Юсефа больше беспокоил тот, второй, по имени Шеп. Сразу чувствовалось, что с ним шутки плохи.

– Рано или поздно ты все равно заговоришь, – сказал ему Шепард. – Так какой смысл тянуть резину?

Но голос Шепы казался Юсефу просто каким-то очень далеким эхом. Да черт с ними, с ублюдками, пускай говорят, что хотят... и говорят, и говорят, и говорят. Потому что никогда еще ему не было так хорошо.

– Да не волнуйся, получишь ты своего адвоката. Но только если начнешь говорить и дашь нам возможность разматывать дело дальше, – заявил ему Мори. – Имя, Юсеф. Всего лишь имя твоего старшего. Кто забирал у тебя готовую работу и передавал ее дальше?

Юсеф улыбнулся:

– Слышь, приятель, а может, двинешь мне еще дозу этой своей прелести? Глядишь, после этого я подобраю, и язык у меня развяжется.

– Давай-ка лучше я им займусь, – сказал Шепард Аппельбауму. – Пока его вообще у нас не забрали.

– Подожди, пока Форсайт составит свой отчет.

– Подожди да подожди, – с отвращением бросил Ше-

пард. — Мы все время только и делаем, что чего-то ждем. И я вовсе не намерен давать этому типу соскочить с крючка. Заваривается какая-то очень большая каша, я это нутром чую. И пошли в задницу все эти защитники гражданских свобод и неприкосновенности личности.

Брайан Шепард неприязненно разглядывал Юсефа. Поступая на работу в фирму, он все представлял себе совсем иначе. Ну, совершенно по-другому. После окончания Уитонской школы в Чикаго он поступил в Северо-Западный университет на юридический факультет. Брайан всегда знал, чего именно хочет, поскольку вырос на фильмах о Джеймсе Бонде: красивая жизнь настоящего шпиона, куча красивых женщин и постоянные командировки во всякие экзотические страны, возможность сыграть по-крупному в казино в Монте-Карло. Поэтому он не мог скрыть разочарования, когда в Лэнгли ему три года пришлось возиться с бумажками, корпеть над кодами да передавать разные указания руководства по защищенной линии шпионам, находящимся на заданиях за границей, которым повезло больше, чем ему. Ему попросту даже не дали возможности проявить себя, доказать, насколько ценным полевым агентом он мог бы быть.

Три года среди бумажек.

А потом, наконец, ему представился шанс. После 11 сентября Брайана перевели в нью-йоркский филиал, который занимался отловом подозрительных мусульман. Но, в конце концов, это ничего не дало, поскольку Конгресс войны ни-

кому не объявлял, да и, по правде говоря, солдатом Шепард был никудышным. Но сейчас он вполне готов был на подвиг – расколоть Юсефа аж до самых пяток.

Ему просто необходимо именно сейчас получить эту информацию, чтобы показать, насколько он хорош, одним махом перепрыгнуть с черной полосы неудач на счастливую белую. Тогда у его начальства появится причина отправить его за границу и мечта его станет явью. Может быть, он будет агентом 008 или 009, раскатывающим на собственном «Астон-Мартине». Вот только Форсайт ни за что не позволит ему выйти за рамки закона, тем самым сводя на нет все мечты о новой жизни. А ведь именно поэтому Брайан до сих пор не женился – чтобы быть свободным человеком, который раскатывает где хочет и любит кого хочет. И при всем этом для своей страны он всегда оставался бы героем, поскольку был настоящим патриотом.

– Успокойся, – сказал Мори. – Никто не знает, что он здесь, и Форсайт передал его в наше полное распоряжение. Во всяком случае, на время.

– Неужели ты не понимаешь? Он ждет возвращения Иванова, а потом они всю славу присвоят себе, а нас снова pošлют ворошить бумажки. Лучше дайка я разговарю этого ублюдка.

– Попробуй ввести ему еще скополамина, – посоветовал Мори.

– Времени в обрез, дружище.

– Хочешь, чтобы дело попало в Бюро, и они сняли бы все сливки? В принципе, они считают, что это их юрисдикция.

Это сразу встряхнуло Шепарда. В этом деле главное – не терять голову. Ему платили вовсе не за инициативу.

– Ладно, давай еще скополамина, – кивнул он.

Глава 6

ПОСЛЕДНИЙ ТОЛЧОК

День 4. 2.45

Алекс, дорого одетый, вышел из такси перед входом в роскошный пятизвездочный отель «Метрополь» в Охотном ряду. В его атташе-кейсе лежали досье Андре Робеспьера, Владимира Юрьевича Румянцева и Раймонда Брукмана, полученные от Христенко, а также двести тысяч долларов наличными. Его тут же проводили в пышно отделанный вестибюль и подвели к стойке регистрации. Клерк, довольно заносчивый с виду, но вежливый, при его появлении как бы невзначай взглянул на настенные часы, давая понять, что хоть час и поздний, но для них это дело привычное, поскольку деловые люди времени не выбирают.

– Для меня забронирован номер, – сказал Алекс, будто ничего не заметив.

– Как вас зовут?

– Михаил Филиппов, – он протянул клерку внутренний паспорт. Тот его внимательно изучил, затем бросил взгляд на список забронированных номеров.

– Да, номер четыреста семь. Ваш багаж?

– Нет, только кейс.

– Ну и прекрасно, господин Филиппов.

Клерк нажал кнопку звонка. Мгновенно появился юноша в униформе, который взял у клерка ключ от номера Алекса, взглянул сначала на него, потом на гостя.

– Прошу вас, следуйте за мной.

После недолгого подъема на лифте Алекс был препровожден в номер 407. Это оказался роскошный «люкс» со спальней и гостиной. Парень привычно принялся показывать Алексу, где что лежит, потом получил двести рублей чаевых, вручил ключ и покинул номер. Алекс остался наедине с окружающими его тишиной и роскошью, на какое-то мгновение ему даже показалось, что он всегда обитал именно в таком месте. Но, оставшись наедине с собой, он сразу вспомнил о недавнем покушении. Сейчас он вполне мог быть мертвым, а не живым. Христенко знал, о чем говорил, когда упомянул об опасности, которая очень скоро может грозить Алексу.

Недавно пережитое покушение научило его быть осторожным. Он запер входную дверь и, снимая на ходу пальто и пиджак, проверил комнаты на предмет чего-либо подозрительного. На огромной кровати лежал гостиничный махровый халат. Сняв рубашку, Алекс накинул его. «Да, удобно. Чувствуй себя как дома», – мысленно повторял он, направляясь в ванную комнату. Там он умылся горячей водой

с мылом и почувствовал себя куда бодрее. Затем Алекс позвонил портье и попросил соединить его с бюро обслуживания. Обязательно надо было чего-нибудь перекусить, а то он уже и не помнил, когда в последний раз ел. Зато теперь наверняка придется иметь дело с мясом убитых животных, и ничего тут не поделаешь, поскольку инициативу перехватил Алексей.

– Бюро обслуживания? Да, я хотел бы заказать бифштекс по-нью-йоркски, с кровью, вареный картофель, овощной салат, черный кофе и бутылочку приличного «каберне совиньон». Номер четыреста семь... Благодарю.

Положив трубку, он вытащил из атташе-кейса мобильный телефон Алексея, набрал номер, который знал на память, и, усевшись в кресло, принялся ждать ответа.

– Алло? – послышался наконец голос с легким французским акцентом. Собеседник был явно удивлен столь поздним звонком.

– Рене? Это Алексей. Как ты, друг мой?

– Неплохо, неплохо. Недавно говорил с Еленой и как раз упомянул, что ты очень давно не звонил. Я уже подумал, не улетел ли ты в Америку.

– Таков был изначальный план, но ситуация изменилась.

– Ты из дома звонишь?

– Нет, и Елены со мной тоже нет. Я ночую в отеле «Метрополь». Знаешь его?

– Что ты там делаешь?

– Это долгая история. Извини, что побеспокоил так поздно, но мне срочно требуется одна услуга.

– И какая же?

– Понимаешь, не хотелось бы говорить об этом по телефону.

– Понятно. И как скоро?

– Ты не мог бы быть в Москве прямо завтра?

– Алексей, да ведь и так уже завтра. А не может это дело подождать пару дней?

– Боюсь, что нет. Дело очень срочное.

– Понятно, – еще бы не понять, когда такое явное напряжение сквозило в голосе Алексея. – Короче, утренним рейсом я вылетаю в Польшу на встречу с клиентом. Если после этого я ближайшим рейсом вылечу в Москву, то буду там где-то в середине дня. Ну как, годится?

– Заодно и пообедаем, – согласился Алекс. – Номер четыреста семь, фамилия Филиппов.

– Не понял.

– Я все тебе объясню при встрече.

Французскому адвокату, работающему на «Сюрте», сразу стало ясно, что больше вопросов задавать не стоит.

– Хорошо. Тогда, скажем, в час дня, если, конечно, не будет накладок с рейсами.

– У тебя ведь есть номер моего мобильного. Так что до завтра.

– О'ревуар, – последовал щелчок ложающейся на место

трубки.

Алекс отложил мобильник, поудобнее расположился в кресле и открыл желтый конверт, который передал ему Христенко. Там было три кратких досье. Он открыл первое – это оказалось досье Андре Робеспьера – и начал читать.

Андре Робеспьерр, шестьдесят четыре года, второй ребенок Жоржа и Рене-Мари Робеспьерров, родился в Париже. Его прадед Жак Робеспьерр до прихода нацистов являлся исполнительным директором Французского национального банка, затем до окончания войны сотрудничал с национал-социалистами в вишистском правительстве. Его сын, которого также звали Жак Робеспьерр, был вынужден после войны пробивать себе дорогу в приличное общество. Он поступил на службу простым чиновником в банк «Евро-Свисс», сделал удачную карьеру и зажил жизнью порядочного человека, едва ли не представителя исчезнувшей к тому времени старой аристократии. Ему даже удалось добиться расположения де Голля.

К этому времени Андре Робеспьерр, внук Жака, также сделал обычную для людей своего круга карьеру и ко времени окончания холодной войны стал членом совета директоров. Все эти годы Робеспьерр вел просто образцовый образ жизни, типичный для выходца из богатой семьи, получил дополнительно к французскому еще и швейцарское гражданство, что являлось обычным делом для людей его положения. После того как он нажил миллиарды долларов на

подпольной торговле перуанскими наркотиками и разместил деньги на секретных счетах, его сделали членом правления швейцарской фондовой биржи. С учетом двух просторных особняков в обеих странах, многочисленных слуг, мгновенно выполняющих любое желание членов его семьи, частых поездок за покупками в тогдашний Западный Берлин и совершаемых раз в полгода прогулок на яхте «Манго», длина которой составляла сто сорок футов, стоило сказать, что он живет как человек, который может себе ни в чем не отказывать. Двое его сыновей, Клод и Ив, стали членами совета директоров банка «Евро-Свисс».

Робеспьерру оставалось лишь стать самым богатым французом в Европе, и в этом он устроил товарищеское соревнование с русским олигархом Владимиром Юрьевичем Румянцевым, сопредседателем правления «Спейс-Диск». Они частенько бывали друг у друга в гостях и обменивались суждениями по поводу дальнейшего развития капитализма, насчет того, что считать законным и незаконным, после того как деньги претерпели процесс очищения в банке. Это был их способ проводить досуг, подшучивая друг над другом во время охоты, которой они любили заниматься в просторных владениях одного или другого.

Алекс оторвался от чтения и попытался представить себе, что думает по поводу всего происходящего Алексей, честный человек и патриот бывшего Советского Союза, ныне ставшего союзником Соединенных Штатов. Вызовет ли

информация о преступной деятельности Робеспьера ненависть у Иванова, человека, прошедшего нелегкую школу жизни в Советском Союзе?

Алекс снова взялся за досье и уже собрался было продолжить чтение, когда услышал негромкий стук в дверь. Нервы его не выдержали, он подскочил как ужаленный и схватился за свой автоматический «глок-26». Спрятав его за спиной, он отпер дверь и впустил в номер официанта в накрахмаленной униформе, катящего перед собой столик на колесиках, уставленный покрытыми крышками тарелками, фужерами и столовым серебром.

– Да, спасибо, – поблагодарил Алекс, вручая официанту триста рублей чаевых.

– Благодарю вас.

Официант поклонился и покинул номер, тихо прикрыв за собой дверь. Алекс запер ее, ощутил аппетитный запах доставленной еды и приступил к трапезе. Когда он покончил с едой, веки его отяжелели. Он знал, что пора ложиться спать – ведь Рене, скорее всего, уже летит в Польшу. При завтрашнем разговоре с ним нужно быть свежим. Перед тем как лечь, Алекс посмотрелся в висящее на стене зеркало и подумал, что он все-таки человек, следовательно, должен выжить невзирая на все окружающее его насилие.

В темном небе еще висела полная луна, но над Пакистаном уже занималось утро. Сайяф полулежал на заднем сиденье угнанного джипа, мчащегося по проселочной дороге, поднимая за собой шлейф пыли, уносимой ветерком к близлежащим горам. Впереди сидели двое талибов, вооруженных АК-47 и внимательно наблюдавших за окрестностями, где их в любую минуту могла поджидать засада бойцов «новой армии», теперь сотрудничающей с американцами в расчете добиться каких-то своих жалких целей, тем самым оскорбляя Аллаха. Пассажиры джипа, бешено несущегося вперед и то и дело подпрыгивающего на ухабах, хранили полное молчание.

Чтобы выбраться из Афганистана, потребовался всего день, они проскользнули через пакистанскую границу в неохраяемом месте, где произошла успешная встреча с союзниками талибами. Жара угнетающе действовала на всех без исключения, и неверные покинули свои посты, оставив их на попечение пакистанским предателям. Гяуры не знали, что те, кому они доверили охранять границу, на самом деле были моджахедами. Поэтому в нужное время граница оказалась открытой. Джип свернул с проселочной дороги на плоскую пыльную равнину, миновав несколько постов «Аль-Ка-

иды», он подъехал к небольшому самолету. Пилот уже сидел на своем месте и наблюдал за приближением автомобиля. Было ясно, что в любой момент могут появиться американские самолеты, но на этот случай в распоряжении бойцов были переносные зенитные ракетные комплексы «земля-воздух».

Джип остановился рядом с монопланом, Сайяф без лишнего шума просто помахал своим провожатым и поспешил по пыльному полю к самолету. Внезапно завелся мотор, чихнул и заработал, постепенно набирая обороты. Вскоре лопасти единственного пропеллера уже не было видно. Охранник с ракетной установкой внимательно обвел взглядом небосклон в поисках непрошенных гостей. Но утро было тихим, а небо пустым. Сайяф быстро забрался на заднее сиденье двухместного самолета и пристегнулся.

Затем взял с пола летный шлем, надел его и поднял большой палец, давая своим друзьям талибам знак, что все в порядке. Те лишь улыбнулись в ответ, довольные успешным завершением операции.

Этот день вообще начинался удачно. Его люди заметили два американских самолета, которые тут же и сбили из своих ПЗРК. Один из пилотов каким-то чудом остался жив, талибы тут же расстреляли его в упор и несколько мгновений наблюдали за тем, как несчастный умирает. Сайяф обшарил комбинезон убитого и нашел в одном из карманов фотографию, на которой были сняты женщина лет около тридцати

— скорее всего, жена — и двое детей, мальчик и девочка, лет пяти и семи соответственно. Сайяф в сердцах плюнул на фото, изорвал его и пустил клочки по жаркому сухому ветру. Счастье улыбалось ему потому, что американцы начали ослабляться, считая, будто уже одержали полную победу.

Но уже становилось ясно, что «Талибан» обосновался в стране всерьез и надолго, а американцы, как и русские до них, очень скоро вынуждены будут убраться домой. Это в очередной раз продемонстрирует неверным, что вторглись они сюда понапрасну, им никогда не захватить Средний Восток, которым испокон веку владели братья Сайяфа. Насколько же наивно было даже думать о том, будто деньги и оружие способны в одночасье уничтожить тысячелетнюю историю его народа и превратить его в продавцов гамбургеров и порнокассет. Как это было и с русскими, молодые жизни американцев расходовались здесь совершенно понапрасну. Единственной целью всего этого было удовлетворение самолюбия тех политиков, которые считали, что в один прекрасный день смогут захватить эту землю, благословленную Аллахом.

Да, американцы и впрямь начали терять бдительность, думая, что одержали окончательную победу, на самом же деле они лишь наплодили вдов и безутешных матерей. Очень скоро успех перейдет на сторону моджахедов, и они снова пойдут вперед — особенно после завершения его миссии. И тогда прежняя жизнь будет продолжаться еще тысячу лет, на

протяжении которых люди с благодарностью будут отбивать поклоны Мекке, как это уже неоднократно случалось за множество минувших веков. К примеру, после Второй мировой войны англичанам и французам не удалось поработить свободолюбивый народ. Все их усилия оказались напрасными, а об их мертвых давным-давно забыли. Так будет и на этот раз. С помощью средств, выделенных организацией «Хезболла», которые будут потрачены строго по назначению, Сайяф сможет выполнить то, чего от него ожидают. Учитывая разницу часовых поясов, Сайяф точно знал, что джихад свершится ровно через восемь дней.

Пилот прибавил газу, двигатель взревел так, что едва не лопались барабанные перепонки, а потом Сайяфа вдруг вжало в спинку кресла, да с такой силой, которой ему никогда прежде не приходилось испытывать. А потом они наконец-то оказались в воздухе, и рев мотора стал тише. Сайяф вдруг очутился посреди безбрежного пространства, внизу тянулись мирные горные хребты, служившие родным домом его семье на протяжении многих поколений. Что бы ни случилось, он знает, где обрести тайное убежище. Впрочем, все, что связано с выполняемой сейчас миссией, было строго засекречено и тщательно спланировано. Ему лишь сказали, что придется пересечь территорию Сирии. Он снова бросил взгляд на небо и возблагодарил Аллаха за то, что тот сделал его одним из избранных. А уж Сайяф-то точно не посрамит Его, милостивого и милосердного.

Пока все шло как надо.

* * *

День 4. 9.00

Российский президент Виталий Борисович Лавров стоял у одного из окон своего кабинета, выходящего на Соборную площадь. Это был крепко сложенный человек шестидесяти восьми лет от роду с густыми брежневскими бровями, нависающими над пронизательными голубыми глазами. Сейчас он собирался с мыслями перед встречей с американским президентом Макферсоном, которая должна была начаться через двадцать минут. Он знал, что должен обдумать предложение России о вступлении во Всемирную торговую организацию, что Гаагский суд и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС практически утратили свое значение, поскольку в силу вступало предложенное Брюсселем «Соглашение о добрососедстве», которое гораздо лучше служило интеграции России в Европу. Впрочем, все это покажется сущими мелочами по сравнению с тем, что его ожидает на

совещании по проблемам СОИ в Женеве.

Окончательное голосование по «Глоба-Линк».

По-прежнему не сводя взгляда с Соборной площади, Лавров вдруг неожиданно для себя улыбнулся. Он бросил взгляд на несколько церквей, находящихся на территории Кремля, – Архангельский собор, храм Двенадцати Апостолов, Благовещенский и Успенский соборы. Потом перевел взгляд на церковь Ризоположения и башни, посвященные святому Петру, святому Николаю и Спасителю. Зимой Кремль с куполами храмов, высящимися тут и там, производил какое-то сказочное впечатление.

На протяжении всей своей длительной военной и политической карьеры Лавров пробивался все выше и выше по служебной лестнице, сметая на своем пути тех, кто не понимал стоящих перед партией задач. Партия была обречена, но этой стране нужна сильная рука – причем одна, а не тысячи мелких. Люди понимают это и стремятся к этому!

Раздался стук в дверь.

– Да!

Дверь открылась, на пороге стояла его секретарша – очаровательное создание лет двадцати четырех, не больше.

– Виталий Борисович, президент Макферсон прибыл на десять минут раньше срока.

Лавров повернулся спиной к окну и несколько мгновений молчал.

– Пусть подождет.

* * *

День 4. 11.00

Алекс допил кофе, который заказал после завтрака, подошел к окну и уставился на стену бесконечного дождя. Ночь прошла хорошо, утром он побрился и принял душ. Наконец, отойдя от окна, он плюхнулся в кресло, чтобы внимательно изучить досье Робеспьера.

На протяжении последних двух лет Андре Робеспьерр наладил деловые связи с самыми крупными и могущественными банками России, Южной Африки, Германии, США, Саудовской Аравии, Англии и Венесуэлы. Совсем недавно он еще раз летал в Америку, где у него состоялись закрытые переговоры с президентом Макферсоном и Раймондом Брукманном, прошедшие в Кемп-Дэвиде. Теперь им предстоит встретиться на московском приеме, где соберутся лидеры многих стран, которые через семь дней примут участие в женеvском совещании по СОИ. Робеспьерру известно, что Михаил Михайлович Филиппов намерен голосовать против, по-

этому он, чтобы не поставить под удар судьбу «Глоба-Линк», способен пойти на самые крайние меры.

Личная жизнь Робеспьера полностью подчинена финансовой деятельности. Брак его был заключен по расчету – он женился на довольно невзрачной женщине по имени Симона Робб-Грийе, с родословной, восходящей еще ко временам Французской революции. Для человека вроде Робеспьера это очень важно, поскольку значительно повышает его престиж в деловых кругах, который стоит на третьем месте после денег и Бога. Сегодня он с нетерпением предвкушает предстоящее зачатие «Глоба-Линк», в которой по праву собирается стать главным акционером – держателем контрольного пакета акций самой богатой и единственной из корпораций, остающейся в мировой истории. По слухам, он как-то обмолвился, что после окончательного голосования в Женеве даже Наполеону пришлось бы склониться перед могуществом Робеспьера.

Тренированный ум Алекса сразу уцепился за одну из вех семейной истории Робеспьерров. Интересно, почему дед финансиста сумел добиться благоволения де Голля как раз накануне предоставления независимости Алжиру? Кроме того, оставался и вопрос сотрудничества деда с вишистским правительством. Правда, де Голль якобы как-то сказал – разумеется, совсем по другому поводу – примерно так: «Великий воин-патриот всегда имеет право на одну-единственную ошибку...»

В дверь постучали. Не успела горничная зайти в номер, как Алексей уже понял, что именно насторожило Алекса в ее лице.

Конечно же, глаза – в них светился острый разум, вряд ли свойственный гостиничной простушке.

Казалось, она чем-то напугана.

– Простите за беспокойство, – сказала темноволосая гостья и направилась в ванную комнату. – Я буквально на секундочку.

Алекс молча наблюдал за тем, что она делает в ванной. Наконец, она вернулась в гостиную.

– Я принесла вам свежие полотенца, – сообщила девушка. – Еще раз извините за вторжение.

– А вы не могли бы оставить мне еще одно полотенце? Просто бросьте его на кровать.

– Полотенце? Ах да, конечно, – с этими словами она двинулась к кровати.

Тут Алекс почувствовал на лице внезапное дуновение ветра. Он едва успел отклониться вправо, как в стену над его головой впиалась пуля, выпущенная из пистолета с глушителем. Алекс тут же сбил со стола лампу.

Девушка бросила свои полотенца и с хладнокровием опытного киллера навела ствол на Алекса. Тот бросился на пол, цепляясь пальцами за основание столика, на котором стояла лампа, и выставил его перед собой, пытаясь защититься от следующих выстрелов.

Он вскочил и бросился на нее, придавив к стене с такой силой, что у девицы пошла изо рта кровь.

– Козел!

Ругательство сопровождалось шумом упавшего на пол пистолета. Когда она снова потянулась было к оружию, Алекс с силой опустил ей на ноги край столика. И тут в ситуацию включился уже Алексей. Схватив оружие, он завладел контролем над телом, поднялся и схватил девушку за волосы. Волосы оказались париком, оставшимся в руке Алексея. Девушка молниеносно выхватила откуда-то из-под своей униформы горничной нож, тусклый металлический блеск которого буквально парализовал Алексея. Он не знал, что лезвие было покрыто сукцинил-холином, смертельным ядом, за считанные секунды вызывающим паралич.

Она тут же бросилась на него, выставив перед собой нож. Он отпрянул и пистолетом сильно ударил девушку по руке, сжимающей нож.

– А ну замри! – велел он. – Не то использую те патроны, которые у тебя еще остались!

Она вдруг замерла и теперь стояла молча, хватая ртом воздух.

– Кто тебя послал? – рявкнул Алекс.

– По телефону. Приказ поступил по телефону.

– От кого?

– Не знаю. Он позвонил из номера на другом конце коридора.

– Сколько бы он ни посулил тебе, я заплачу вдвое больше. А теперь давай-ка спустимся вниз и посмотрим, кто же зарегистрирован в том номере.

– Вряд ли я смогу идти, – отозвалась она. – Кажется, у меня сломана нога.

– Давай помогу, – предложил он, но стоило ему обхватить ее за талию, как она молниеносно схватила нож и попыталась пырнуть им Алекса в живот. Он едва успел отскочить, и лезвие всего на какой-то миллиметр не достало до рубашки. Теперь девушка надвигалась на него, водя ножом из стороны в сторону.

Он снова ударил ее пистолетом, на сей раз угодив куда-то между грудью и под мышкой. От удара она лишь пошатнулась, но тут же пригнулась, выставив перед собой левую руку. Алекс отскочил назад, лихорадочно ища взглядом хоть что-то, чем можно бы было отражать ее выпады. Она снова бросилась на него как раз в тот момент, когда его нога метнулась вперед. Кончик лезвия прошел всего в миллиметре от коленной чашечки, но тут удар Алекса достиг цели и отшвырнул ее назад.

Девушка упала, схватила валяющуюся на ковре лампу, но он пнул ее в руку, сжимающую нож. Рука отлетела назад, и кончик лезвия вонзился чуть выше левой груди. Глаза девушки тут же выпучились как у дауна, а губы растянулись в какое-то страшное подобие улыбки. У нее начались конвульсии, она корчилась на полу, все ее тело сотрясала крупная

дрожь. В наступающей агонии она поджала колени к животу, из пересохшего горла вырывались приглушенные крики. Она стала кататься по ковру, вцепляясь в него пальцами, изо рта пошла пена. Наконец, тело судорожно дернулось в последний раз, глаза широко раскрылись и остекленели, глядя в никуда.

Алексу пора было убираться. Уходить по коридору было нельзя, поскольку там могла быть устроена ловушка. Даже входную дверь приоткрывать было опасно. Он подошел к телефону и позвонил дежурному портье.

– Это из номера четыреста семь. Простите, что беспокою вас, но у меня прихватило сердце.

После этого он бросил трубку, подошел к двери, отпер ее и прислушался. Не прошло и тридцати секунд, как в номер влетел старший портье, за которым поспешал коридорный. Алекс пинком ноги захлопнул дверь и показал им свой «глок».

– Никто не пострадает, если будете делать, что я скажу. Снимите китель и фуражку, – приказал он коридорному. Потом, обращаясь к портье, сказал: – Позвоните, пусть сюда придет управляющий. Скажите ему, что у вас, похоже, на руках труп.

Портье метнулся к телефону и распорядился прислать управляющего.

– Как быстрее всего попасть в холл? – спросил Алекс у портье.

– По лестнице! – едва ли не взвизгнул ошалевший от страха портье.

– А где она?

– В самом конце коридора, в сторону лифтов.

– Хорошо, а теперь послушайте, что я вам скажу, – бросил Алекс. – Через несколько секунд в коридоре будет управляющий, а с ним, скорее всего, еще кто-то. Когда я открою эту дверь, вы с криками – нет, рыдая – выскочите в коридор и помчитесь, куда глаза глядят.

– А что сказать, если спросят? – робко осведомился коридорный.

– Что ты до смерти перепуган и больше всего хочешь поскорее убраться отсюда! – Алекс был откровенно удивлен тем, насколько полезно оказалось сейчас красноречие Алексея. – Ничего трудного в этом нет.

Он уже слышал в коридоре звуки шагов трех или четырех человек. Схватив свой атташе-кейс, Алекс рывком распахнул дверь и выпихнул в коридор портье:

– Давай, ори!

Когда портье заорал во всю глотку, Алекс набросил на плечи плащ и выскочил в образовавшуюся за дверью толпу. Внезапно раскрылись двери лифта, и он увидел дородную горничную со стопкой чистых полотенец. Алекс быстро юркнул внутрь и уже хотел было нажать кнопку пятого этажа, но тут заметил, что она и так горит. Он молча ждал, с трудом переводя дыхание, пока, наконец, лифт не остановился на

пятом этаже и горничная не вышла. Тогда он нажал кнопку шестого, последнего этажа.

Когда двери открылись на шестом, Алекс сначала убедился, что в коридоре никого нет, и лишь потом выскользнул из лифта. Глаза его напряженно обшаривали пустой коридор, нервы были натянуты до предела. В дальнем его конце, возле двери на лестницу помещался служебный лифт. И тут появилась уборщица, толкая перед собой тележку. Она нажала кнопку, и двери служебного лифта почти сразу открылись. Оставив тележку, уборщица вошла в кабину, и створки за ней сомкнулись.

Да, пользоваться этим лифтом, пожалуй, не стоило, уж слишком он был изолированным, очень легко там можно устроить засаду. Лестница, ведущая на крышу, сулила больше шансов, поскольку вряд ли кто-нибудь станет спускаться по ней вниз. Алекс поспешно подошел к тяжелой двери, на мгновение остановился у тележки, взял с нее две пепельницы и рассовал их по карманам плаща.

Прижимая к груди атташе-кейс с денежным поясом, он вышел на лестничную площадку и прислушался. Внезапно громко хлопнула дверь на лестницу этажом ниже. Алекс услышал чьи-то шаги и тяжелое дыхание. Он вытащил одну из пепельниц, швырнул ее в лестничный колодец и бросился вниз, сжимая в руке пистолет.

Грохнули два выстрела. Его «глок» был выбит из руки и загремел вниз по ступенькам. В этот момент открылась

дверь, ведущая на крышу. Там, на площадке, стоял крепко сбитый мужчина в черной кожаной куртке и целился Алексу в голову. Человек, стоящий ниже Алекса, выстрелил и свалил убийцу, стоящего наверху. Киллер рухнул и покатился вниз по лестнице, а Алекс тем временем потащил из кармана вторую пепельницу и только тут сообразил, что перед ним Рене Шометт в деловом костюме.

– Рене! – воскликнул Алексей. – Мы окружены!

– Нет, выход есть. Я останавливался в этом отеле не меньше дюжины раз, – в его речи снова стал заметен французский акцент. – Пошли на крышу! Там есть фрамуга, высота всего три или четыре метра. Надо лишь прыгнуть, и мы на этаже. Скорее!

Алекс подобрал пистолет, они бросились вверх по лестнице и распахнули дверь на крышу. По-прежнему моросил дождь. Рене сразу рванул вперед, Алекс поспешил за ним.

Рене стукнуло пятьдесят пять, он был чуть ниже ста восьмидесяти сантиметров ростом, очень подтянутым и мускулистым, со светлой кожей, голубыми глазами и прямым носом. Щеточка усов в стиле популярного киноактера Дэвида Нивена придавала ему особый шик.

– Там, под фрамугой, складское помещение, через которое можно будет выбраться на улицу, но нельзя терять ни секунды! – крикнул Рене.

Фрамуга в металлической раме оказалась шириной в метр с лишним. Внизу Алекс разглядел небольшое складское по-

мещение, заставленное ящиками и коробками. На складе не было видно ни души. Рене сунул Алексу свой пистолет и держал металлическую раму на себя. Та поддалась и упала на бетонный пол. Рене прислушался, но ничего подозрительного не заметил. Держась за край отверстия, он свесился вниз, повисел так несколько секунд, еще раз проверяя склад на предмет постороннего присутствия. Но все было тихо. Тогда он разжал руки и спрыгнул вниз, перекатившись набок при приземлении. Поднявшись, он кивнул Алексу, давая понять, что можно следовать за ним.

Алекс осторожно бросил Рене оружие, затем сам спрыгнул вниз. Приземление прошло не так гладко, но помог Рене, успевший поймать его в объятия. Алекс не предполагал, что за последние полчаса на его долю выпадет столько приключений, и почувствовал, как в крови вскипает адреналин.

– Давай быстрее! – неожиданно рявкнул Алекс. – Я должен очень многое тебе рассказать!

Глава 7

ПЕРЕДАЧА

День 4. 14.10

Все это было частью плана, но из всех людей, собравшихся в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, окна которого были плотно зашторены, чтобы не докучать гостям пасмурным днем, об этом знали только трое. Теплый свет изящных светильников в сочетании с живой фортепианной музыкой русских композиторов создавал уютную атмосферу. Впрочем, гости не обращали на музыку почти никакого внимания. Она была лишь фоном для коктейлей и легкой болтовни, украшением мероприятия служили присутствующие в зале важные персоны, которые, учитывая важность истинных мотивов, послуживших причиной их появления здесь, пребывали в прекрасном расположении духа. Это собрание можно было бы сравнить с коктейлем, сбиваемым обычным кухонным миксером из политико-финансовых ингредиентов. Но коктейль был довольно мягким, поскольку под высокими сводами зала собрались мировые лидеры, включая президентов Лаврова и Макферсона, руково-

дители крупнейших и наиболее значимых корпораций, представители мировых средств массовой информации, а также вездесущие шпионы, придававшие этой смеси щекочущую нервы остроту. Миксер был включен около двух часов назад и, поработав немного, превратил достаточно разношерстную толпу в некое подобие единого целого, что, в принципе, и являлось задачей устроителей мероприятия.

Юсуфова особенно интересовали шпионы, скрывающиеся под личиной обычных хорошо одетых гостей. И интерес этот был вызван вовсе не тем, что в свое время он начитался отечественных и западных политических детективов с их героями и злодеями. Нет, дело было просто в том, что это входило в его обязанности заместителя начальника Второго главного управления ФСБ. Не избегал его внимания даже президент Российской Федерации, который в данный момент болтал с Еленой Ванеевой, совершенно очаровательной в своем вечернем платье от Оскара де ла Рента. Ее изящные, отлично ухоженные пальчики сжимали рюмку с коктейлем «водка – мартини».

За Лавровым внимательно наблюдал шестидесятилетний израильский премьер-министр Итцек Соломон. На нем был костюм от Армани, прекрасно гармонирующий с беззаботной улыбкой, играющей на его губах, будто и в помине не было кровавого израильско-палестинского конфликта. Ему тоже улыбались в ответ, но за этими улыбками скрывалось знание того, что он прежде всего и всегда еврей.

Его дед воевал с англичанами и с арабами и был вернейшим последователем Аббы Эбана, которому в 1948 году удалось убедить Организацию Объединенных Наций образовать государство Израиль.

И тем не менее между евреями постоянно возникали склоки, партия боролась с партией, в то время как арабские страны все чаще призывали к уничтожению Израиля даже несмотря на новый план мирного урегулирования «Дорожная карта». Как и у всех остальных присутствующих на приеме лидеров, на уме у него была куча собственных проблем, о которых – по крайней мере, на сегодняшний вечер – он старался забыть, учитывая, что всем очень скоро предстояло узнать, каким станет новое будущее.

Хуже всего было то, что беспокойство, скрывающееся за его улыбкой, было связано с «Израильским рыбным рынком», как он обычно любил называть про себя Кнессет с его набором представителей множества партий – от ультралевых до ультраправых. Эти выразители мнения простых граждан, у каждого из которых дома хранилось минимум по два автомата, вечно потрясали кулаками и стучали ими по столу. Но Итцек Соломон прекрасно владел собой, демонстрируя образчик безукоризненно вежливого поведения.

Юсуфов понял это, стоило ему только посмотреть на израильского премьера. Затем он, держа в руке бокал с коктейлем, обвел взглядом зал, раздумывая о том, что за всем этим скрывается нечто большее, чем договор о СОИ, поскольку

его всегда учили быть прагматичным. Почему здесь собраны главы всех крупнейших корпораций? Его отец был участником событий, связанных с Карибским ракетным кризисом, и вел дело предателя Олега Пеньковского. Ядерное оружие всегда будет частью равновесия, существующего между Россией и Америкой, особенно теперь, когда некоторые государства, ведущие себя понаглее прочих, начали производство собственного оружия массового уничтожения. Если оно будет использовано, то погибнет около двадцати миллионов людей, никак не меньше.

У договора СОИ были свои достоинства и недостатки. В результате его подписания ядерный статус России определенно изменится, а прежние договоры по стратегическим наступательным вооружениям вскоре будут аннулированы. Теперь Родина уже не в состоянии нанести первый удар, а все миллиарды, истраченные на создание ракетно-ядерного комплекса, можно смело считать выброшенными на ветер после появления на Западе новой лазерной технологии.

Юсуфов до сих пор не утратил своей веры, и его подозрения в отношении присутствующих были весьма крепкими, поскольку он был уверен, что за этим приемом, внешне совершенно формальным и предваряющим женеvскую встречу, скрывается нечто куда более серьезное. Его орлиные глаза продолжали рыскать по залу в надежде хоть что-нибудь заметить – что угодно, не вписывающееся в общую картину. Он чувствовал, что на его глазах происходит нечто куда бо-

лее важное, чем очередной официально объявленный прием. Илья Васильевич, стараясь не выделяться из толпы, потихоньку потягивал коктейль, продолжая свое наблюдение.

Генерал Христенко сегодня был в военной форме и разыгрывал роль политика. Сейчас он вежливо болтал с российским премьер-министром Кудриным, человеком довольно изможденного вида, одетым в полосатый костюм. Ему было уже за шестьдесят, голову украшали редкие седые волосы, а на изрезанном морщинами лице был написан страх перед тем, что их план может сорваться. Диск Христенко уже был передан, а негромкий разговор и улыбки на лицах служили всего лишь маскировкой, поскольку оба боялись провала.

Монотонный разговор служил Христенко лишь прикрытием, в то время как он разглядывал Елену, которая смеялась над какой-то остротой, отпущенной генеральным директором и председателем совета директоров крупнейшей телекоммуникационной компании «КТ amp;2». Геннадий Игоревич мог полагаться исключительно на Алексея. Дождавшись вальса, он пригласит Елену танцевать и незаметно передаст ей диск. А ведь здесь присутствуют представители всех мировых СМИ, подумал Христенко. Вскоре они узнают о готовящемся заговоре, результатом которого станет превращение мира в одну гигантскую корпоративную тюрьму с узаконенным корпоративным рабством.

День 4. 14.15

Дождь прекратился, и сквозь тучи пробился одинокий солнечный луч. Москвичи спешили по своим делам, многие из них торопились за покупками в модный торговый центр «Манежная площадь», недалеко от которого в уличном кафе напротив Посольского клуба в Брюсовском переулке под широким зонтом сидели Алекс и Рене Шометт. Они уже пообедали и теперь пили по второй чашке кофе, когда Алекс, наконец, закончил свой рассказ о событиях в «Метрополе» и о том, чем они были вызваны. Он все еще не оправился от недавно пережитых передряг, но старался этого не показывать, зная, что Алексей поступил бы на его месте именно так.

Рене Шометт был не только опытным адвокатом, к услугам которого часто прибегали клиенты из стран ЕС, но еще и другом Алексея. Хотя Рене и был старше Алексея на десяток с лишним лет, их дружба уходила корнями в долгие годы шпионских игр, в ходе которых друзья не раз выручали друг друга. Принцип «Бей, или будешь убит», царящий буквально во всем мире, был не для них. Больше сорока лет назад отец Шометта попал на службу во французскую разведку и был отправлен работать в бывший французский Индокитай в качестве официального представителя своей страны по вопросам послевоенного восстановления. Когда в этом ре-

гионе объявилась Америка, Шометту-старшему удалось завести в этой части мира более чем полезные связи. Именно через его сына и при содействии «Сюрте» Алексей был представлен Елене. За последующие годы Иванов и Шометт крепко сдружились. Именно поэтому Алекс в обличье Алексея, узнав о «Глоба-Линк», обратился за помощью к Рене, а не к кому-либо еще.

Когда Алекс наконец смолк и откинулся на спинку кресла, Рене продолжал молча смотреть на него. Он явно был глубоко потрясен безумием зреющего заговора. Мозг его лихорадочно работал.

– Да, они выбрали подходящий момент, – наконец произнес Рене. – А что тут еще скажешь? Слияние мелких компаний в более крупные – вещь неизбежная, за которой последовало и неизбежное объединение корпораций-гигантов. А теперь настало время нанести последний удар и превратить их в единую непобедимую силу, с которой вряд ли кто-нибудь сможет тягаться. Не помогут и международные суды, поскольку они всегда будут заодно, включая и адвокатов.

– Великаны среди великанов, – добавил Алекс, – которые поработят профсоюзы, простых людей. Образование и специальности будущих выпускников университетов станут определяться исключительно потребностями «Глоба-Линк», будь то медицина, юриспруденция или другие науки. Люди, окончившие простые школы, обречены будут работать на самой грязной работе, вроде шахт. Причем никто из них не

будет иметь ни единого шанса на открытие собственного дела, поскольку любое предприятие можно будет создать лишь как часть или филиал «Глобы». Короче, «1984» вашего Оруэлла наступит уже очень скоро, причем эту реальность уже не сможет ниспровергнуть никто, обремененный мыслями о свободе или индивидуализме.

– Ваш Оруэлл? – удивленно переспросил Рене. Алекс оговорился.

– Да неужели я такое ляпнул?

Шометт очень скоро забыл об этом, зато Алекс – нет. Сколько ошибок он, сам того не подозревая, уже совершил или еще совершит? Интеллектуально он был подготовлен, но практически – нет. Уверен ли он, например, в том, что сможет совершить насилие, когда до этого дойдет дело?

– Голосуя против, ты ведь ставишь на карту собственную жизнь, – заговорил Рене. – И этот Геннадий Христенко, и множество других людей, противодействующих заговору, окончательно решили для себя, что предпочитают жить в мире свободы, которому вот-вот придет конец.

– Нет, не придет, если удастся предоставить убедительные доказательства мировым средствам массовой информации. Подобный скандал по поводу закулисного политического сговора станет для сильных мира сего настоящим ударом. Они наверняка предпочтут все спустить на тормозах.

Шометт допил свой кофе и наклонился к Алексу так, будто боялся, что его могут услышать случайные прохожие на

шумной улице.

– Давай-ка конкретнее. Да, ты должен отправиться в Архангельск, выяснить как можно больше по поводу производства этого пластика и о том, для чего именно его собираются использовать. Если ты действительно хочешь убедить мировые СМИ в существовании заговора и сделать этот план достоянием гласности, у тебя должны быть очень веские доказательства. Когда ты уезжаешь?

– Завтра.

– Ты, конечно, понимаешь, что тебя снова попытаются остановить. Тебе нужно сменить отель и не высовываться. Попробуй «Националь» на Моховой. Это рядом с театром Ермоловой. Думаю, ночь ты там проведешь вполне спокойно. А я, если понадобится, буду во французском посольстве.

Наступило молчание. Рене нужна была возможность объективно оценить значение и масштабы того, о чем он только что услышал.

– Нам потребуется помощь, Алексей. Для нас с тобой это задача невыполнимая. Мне нужно некоторое время, чтобы подумать о том, кого привлечь.

– До встречи в Женеве остается восемь дней.

– Журналисты должны получить доказательства за два дня до этого, чтобы успеть все проверить. Так что, Алексей, остается всего шесть дней. Когда Елена получит диск?

– Геннадий Игоревич должен передать его на приеме.

– А когда она передаст его тебе?

– Ей что самой это делать было бы глупо. Нужен человек, который собьет их со следа.

– Например?

– Думаю, кто-нибудь из «фирмы»... из сотрудников посольства.

– Полагаю, что Елена легко это устроит, – заметил Рене. – Она умница. И знает, что и как делать.

– Да, вопрос только в том, знаю ли, что делать дальше, я сам. – Он прикинул, как на его месте поступил бы Алексей, машинально разглядывая расположенный напротив театр имени Маяковского, столь популярный среди туристов. – На меня охотятся три очень могущественных человека. Поэтому получить диск, да еще и сохранить его в целости становится вопросом выживания.

– Вот уж никогда не думал, что мы когда-нибудь окажемся настолько близки к концу, – задумчиво произнес Рене.

– К концу чего?

– Всей привычной нам жизни.

Друзья обменялись взглядами, начиная осознавать масштабы и сложность стоящей перед ними задачи. Да, оставалось всего шесть дней.

Пианист закончил одну из вещей Римского-Корсакова и для разнообразия – чтобы отдохнуть от русских композиторов – заиграл вальс Штрауса. Именно этого и ждал Христенко, чтобы извиниться и покинуть премьеру Кудрина. По-

дойдя к Елене, мило щебечущей с генеральным директором «NT amp;Z», он вежливо поклонился.

В то время как журналисты ненавязчиво брали интервью у гостей, записывая их на диктофоны, Юсуфов следил за тем, как Христенко приглашает Елену на танец, в то же время не упуская из виду всего остального, происходящего в зале.

В последний раз Христенко танцевал вальс много лет назад. Поэтому сейчас, танцуя с Еленой, он чувствовал себя крайне неловко – этакий спотыкающийся старикашка, неуклюже вальсирующий с прекрасной чувственной женщиной. Но, как было отлично известно им обоим, он должен был выполнить задание, причем исключительно опасное. По крайней мере, танцевали не они одни, поскольку вальс был очень популярным танцем.

– Простите, что не поздоровался с вами раньше, Елена Александровна, но здесь оказались люди, которых я не видел тысячу лет.

– Я все отлично понимаю, Геннадий Игоревич. Ваше приглашение – большая честь, и я вам очень за него благодарна.

– Я видел Алексея вчера. И думал, что вы можете быть вместе.

– У него какие-то неотложные дела, – ответила она. – В библиотеке имени Ленина.

– Наверняка какие-то научные изыскания.

Они кружились посреди зала, заполненного другими парами.

– Разве все это не прекрасно? – заметила она. – Очень напоминает сцены балов в «Войне и мире».

«Война и мир» были паролем, и теперь они оба знали, что им предстоит сделать через несколько мгновений.

– Алексей очень удивился, узнав, что выбран для столь деликатной миссии в Белом доме, – с милой улыбкой сказала она.

Они были уверены, что к их разговору прислушиваются, только не знали, кто же именно.

– Времена так сильно изменились... – заметил Христенко.

– Да, мир стал совсем другим. Раньше никогда бы не подумала, что такое возможно.

– И никто так не думал.

– А вам не кажется, что мир стал куда лучшим местом?...

– В некоторых отношениях, – кивнул он. – Но в других...

Он не закончил фразы, не будучи уверен в том, что именно готовит им будущее.

Они несколько секунд молчали, генерал старался успевать за молодой красивой партнершей. Но тут он вдруг споткнулся, едва не упал, хорошо, что Елена как-то успела поддержать его. Он снова выпрямился, чувствуя, как окружающие смотрят на него с затаенной насмешкой.

– Какой же я неуклюжий!

– Вы в порядке?

– Разумеется. Просто перед вами типичный образчик старого дурака, который давным-давно не практиковался не

только в танцах.

– Может, нам лучше спокойно посидеть? – предложила она.

– Когда я был помоложе, я бы и слушать об этом не стал. Но сейчас, пожалуй, и впрямь не отказался бы от бокала вина.

Юсуфов смотрел, как они перестали танцевать и отправились туда, где подавали вино. Конечно, это могла быть всего лишь игра его воображения, но, может, и нет. И дело было не в том, как Христенко споткнулся об ее ногу, а в том, как она удержала его от падения. Скорее всего, происшествие было абсолютно невинным. Но на всякий случай позже он еще раз просмотрит этот момент в записи камер слежения, которыми был буквально утыкан зал.

* * *

День 4. 15.00

Алекс и Шометт взяли такси до отеля «Националь» на Моховой улице, неподалеку от Кремля. Но, поскольку но-

мер у них не был забронирован, поселить гостей оказалось некуда. Тогда Рене отвел дежурного администратора в сторону, показал ему свой дипломатический паспорт и еще кое-что. После этого администратор вернулся к Алексу, уже сияя улыбкой и то и дело ощупывая карман, где лежали деньги, сунутые Шометтом. После этого Рене попрощался с Алексом. Другие постояльцы, заполняющие внушительный холл, смотрели, как двое мужчин пожимают друг другу руки.

После того как его проводили в номер, Алекс почти сразу снова вышел, крепко сжимая ручку атташе-кейса. Швейцар поймал ему такси, и вскоре он уже был на проспекте Достоевского, перед домом, где жили Алексей и Елена. Асфальт уже подсох, тучи на небе постепенно расходились. Он проверил, не следят ли за ним, потом вошел в подъезд.

Сев в лифт, Алекс поднялся на четвертый этаж, попутно нащупывая в кармане ключи, поскольку Рене напомнил ему, что Елена в это время будет на приеме. Отперев двери, он вошел в квартиру и тут же снова запер оба замка. Сейчас посланец Старейшин впервые получил возможность посмотреть, как живут здешние люди, поэтому он обошел гостиную, где стоял диван, кресла и шкафы. Кухня его просто поразила. Алекс не удержался, открыл воду и подумал, насколько же примитивно устроена система водоснабжения, не говоря уже о древнем – тысячелетней давности – холодильнике.

Все так же крепко сжимая в руке атташе-кейс, он прошел в их спальню, где увидел старинную мебель, которую в эти

времена все еще делали из настоящего дерева. Алекс стоял, оглядывая комнату и раздумывая о том, насколько его жизнь отлична от этой. На тумбочках у каждой из двух кроватей стояли фотографии Алексея и Елены, сделанные в день их свадьбы, а также детское фото Алексея, где он стоял рядом со своим отцом, советским офицером в форме, и матерью, простой на вид женщиной в длинном платье и с задумчивым взглядом. Алекс знал, что их обоих уже не было в живых, он знал буквально все об Алексее Владимировиче Иванове, о его связях с СВР и ЦРУ, и о том, насколько тщательно выбирали человека, подходящего для миссии Алекса.

Он вернулся в гостиную, испытывая странное чувство в этом мирке, где ему никогда не жить. Время шло, а ему еще предстояло так много сделать, причем такого, на что он ни за что не посчитал бы себя способным.

Тут он услышал звук ключа, поворачивающегося в наружной двери, – кто-то собирался войти! Алекс принялся лихорадочно шарить по комнате в поисках убежища. Скорее всего, это Елена. Он не рассчитывал, что она так рано вернется с приема, но логические рассуждения сейчас не годились. Конечно, Алекс был ее мужем, но встречаться с ней пока не хотел. Стал поворачиваться ключ во второй двери, и тогда Алекс на цыпочках бросился к дивану и спрятался за ним. И как раз вовремя, поскольку внутренняя дверь открылась и в квартиру беззаботно впорхнула Елена. Алекс по-прежнему сидел неподвижно, боясь даже дышать, а она тем временем

бросила ключи на стол и отправилась в ванную комнату, расположенную в конце коридора.

Он был рад тому, что она по привычке закрыла за собой дверь, хотя и думала, будто в квартире одна. Алекс прокрался к выходу, задержался на мгновение, зная, что сейчас она должна либо спустить воду в туалете, либо открыть душ. Именно так все и случилось – сначала громко заурчал унитаз. Под этот звук Алекс поспешно открыл внутреннюю дверь, потом наружную, выскользнул на площадку, закрыл обе двери за собой и бросился вниз. Его буквально трясло, а ведь с этой женщиной ему предстояло познакомиться куда ближе.

* * *

День 4. 16.50

Помещение выглядело как внутренности телевизионного фургона во время трансляции ответственного футбольного матча. Оно было тесным, повсюду тянулись провода и кабели, подключенные к видеоаппаратуре. В данном случае

на множестве мониторов прокручивались записи, сделанные камерами в Георгиевском зале, на приеме, который закончился час назад. На каждом экране изображения немного отличались друг от друга, поскольку камеры были расположены под разными углами. Они то и дело останавливались на гостях, попадающих в их поле зрения.

Юсуфов и двое других людей следили за мониторами, явно скучая. Наконец Илья Васильевич нашел то, что искал – генерал Геннадий Христенко и Елена Ванеева танцуют вальс. Юсуфов, заметив старого вояку, придвинулся к монитору поближе.

– Он приглашает ее на танец, – сказал один из двоих присутствующих, эксперт-сурдопереводчик. Пара закружилась в вальсе, ее примеру последовали и другие. – Трудно сказать, о чем они говорят, – продолжал эксперт, – поскольку они все время крутятся. Нет ни одной камеры, в поле зрения которой постоянно были бы видны их лица.

– А как насчет хотя бы небольших обрывков разговора – что в них можно понять? – спросил Юсупов. Эксперт приоткрылся повнимательнее.

– Что-то по поводу того, что он никудышный танцор, – пауза. – Что-то насчет какого-то Алексея, которого они оба знают.

– Это ее муж. Дальше.

Снова пауза.

– Что-то насчет мира – похоже, пустая болтовня, хотя точ-

но утверждать невозможно. Слишком уж быстро они кружатся.

Они следили за тем, как Христенко спотыкается, а она удерживает его от падения.

– Ну-ка, останови, – приказал Юсуфов.

Техник остановил запись.

– Прокрути еще раз с того места, где он спотыкается, – велел Илья Васильевич.

Техник отмотал ленту к нужному месту, где Христенко споткнулся о ногу Елены. Юсуфов буквально впился взглядом в монитор, не сводя глаз с танцующей пары. Да, Елена подхватила генерала и помогла ему удержаться на ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.